

Ю. Ф. Канунников

ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИКИ

УМКА-Пресс
Москва
2016

Юрий Канунников

**Воспоминания и дневники.
Дополнения к семейной хронике**

«Пробел-2000»

2016

УДК 821.161.1-94Канунников
ББК 84(2=411.2)6-4

Канунников Ю. Ф.

Воспоминания и дневники. Дополнения к семейной хронике /
Ю. Ф. Канунников — «Пробел-2000», 2016

ISBN 978-5-98604-552-8

Юрий Федорович Канунников — из тех «миллионов орлят», которыми совершенно обоснованно «гордилась страна» (другой вопрос — как она с ними потом обошлась, но это оставим за кадром). Потомственный военный, рыцарь без страха и упрека, сын врага народа, отличник, значкист, курсант, блестящий морской офицер, знающий преподаватель. Наверное, единственный мальчик, который за один год умудрился побывать и в Темлаге, где содержался его репрессированный «за происхождение» отец, и в Артеке в качестве лучшего пионера области. Эти и другие, не менее удивительные факты он излагает в своих воспоминаниях подробно, сухо, без драматизации и излишней литературности. Морские дневники — другие: живые, непосредственные, они раскрывают совершенно новый для нас, сухопутных крыс, пласт жизни. Последняя часть книги написана дочерью автора, Мариной Юрьевной Канунниковой, и это уже настоящая проза, яркая и лаконичная, светящаяся непридуманной жизнью. Все это, в общем, не предназначалось для печати, но было извлечено из севастопольского шкафа и к ней, этой печати, по возможности подготовлено, так как представляет несомненный общий интерес. Книга иллюстрирована фотографиями из семейного архива и рисунками автора.

УДК 821.161.1-94Канунников
ББК 84(2=411.2)6-4

ISBN 978-5-98604-552-8

© Канунников Ю. Ф., 2016

© Пробел-2000, 2016

Содержание

От редактора	7
Аббревиатуры	9
1. Очерки семейной хроники	11
Легенда о пращурах	11
Легенда о Самарском знамени	12
Федор Васильевич Канунников	13
Семья	16
Пелагея Павловна	25
Петр Федорович	27
Михаил Федорович	29
Константин Федорович	30
Федор Федорович	31
Василий Федорович	36
Георгий Петрович	37
Детство	38
Родные и знакомые	43
Американцы	46
Лето в деревне	47
Арест отца	49
Школа	50
Голод	52
Темлаг. Лазаретный лагпункт	53
Пионер-активист	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Юрий Федорович Канунников,
Марина Юрьевна Канунникова
Воспоминания и дневники.
Дополнения к семейной хронике**

© «Пробел-2000», 2016

© Герасимова А. Г., 2016

© Канунникова М. Ю., 2016

От редактора

Юрий Федорович Канунников родился 19 февраля 1924 года (на самом деле 21 декабря 1923, но мать записала датой рождения дату крещения) в Бузулуке, умер 1 февраля 1992 в Севастополе. Капитан I ранга, доцент Высшего военно-морского училища им. П. С. Нахимова. Знакома я с ним не была – только через несколько лет впервые переступила порог севастопольской квартиры, знаменитой «трешки на Летчиках», полной воспоминаний о нем, материальных и не очень, от самодельных встроенных шкафов без единого гвоздя до домашних присловий и поговорок, о нем и, конечно, о его жене Ольге Константиновне, с которой мы, говорят, похожи характером и повадками. Не прошло и дня, чтобы о них в этой квартире не вспоминали, и довольно скоро я прониклась к ним симпатией, настолько, насколько возможно, когда речь идет о незнакомых, никогда не виденных людях, и сейчас мне уже кажется, что я их знала.

Судьба этого человека совершенно удивительна: не знаю, был ли в стране другой пионер, который бы сначала попал в мордовские лагеря (с мамой, которая, как декабристка, поехала туда за мужем, осужденным по ст. 58.10), а потом в Артек, как отличник. Повествует он об этом ровным информативным тоном, стараясь ничего не забыть (а память у него прекрасная), по-преподавательски подробно задерживаясь на описаниях деталей эпохи, ушедших и, по его мнению, заслуживающих фиксации, вроде устройства керосино-калильной лампы или правил игры в «чижа». Вообще текст поучительный, и за неразбавленной его фактографией встает фигура весьма достойная, из тех настоящих людей, на которых держалась жизнь, где бы то ни было, во все времена. Именно из них принято было делать гвозди и винтики, что на самом деле является узаконенным государственным преступлением.

Воспоминания Юрия Федоровича, написанные в 1990 году после длительной предварительной подготовки (в которую, в частности, входили поездки и опросы, а также переписка со старшими родственниками и знакомыми) и позже перепечатанные его дочерью Мариной Юрьевной, появились у меня уже давно, мы все собирались их обнародовать, но как-то было не с руки, и, как выяснилось, к лучшему. Недавно оказалось, что есть еще дневники – путевые заметки преподавателя курсантской морской практики, без них книгу делать было бы неправильно. Я вообще считаю, что разбирать и по возможности публиковать семейные архивы (за исключением какой-то совсем уже личной информации) так же важно и естественно, как мыть руки перед едой или уступать место в троллейбусе. Но что касается этих дневников, то они интересны не только самим фактом своего существования, а и с точки зрения исполнения, даже человеку совершенно далекому от военно-морской тематики. В отличие от суховатых воспоминаний, они написаны (без всяких писательских амбиций, для себя и семьи) замечательным русским языком, точным, ярким, лаконичным, читать их одно удовольствие, и это на редкость адекватное описание нового для меня, очень специфического куска жизненного опыта.

Дополняют семейную хронику воспоминания Марины Юрьевны Канунниковой, которая, также не претендуя на роль «писателя», в лучшем виде унаследовала литературные способности отца, и даже более того. Некоторые пояснения в этот вполне художественный текст добавлены по моей просьбе в процессе подготовки книги. Настоящее время там – 2002 год, сведения о действующих лицах решили не обновлять.

Авторский текст дается без изменений, орфография и пунктуация приведены к современной норме, необходимые конъектуры взяты в угловые скобки. Сокращения в очевидных случаях не раскрываются или раскрываются без пояснений. Слова, выделенные в рукописи чертежным шрифтом, набраны курсивом. Также курсивом в скобках набраны примечания Марины Юрьевны (*М. К.*) и мои (*Ред.*).

Книга иллюстрирована рисунками автора и фотографиями из домашнего архива. Все публикуемые оригиналы, наряду со многими другими интересными материалами, хранятся в частном собрании М. Ю. Канунниковой в г. Севастополе.

За неоценимую техническую поддержку А. Волкову, Б. Шилову, И. Дементьеву, В. Некруту, В. Скосыреву, А. Я. Манухину объявляется благодарность с занесением в личное дело.

Удивительным совпадением, в соответствии с основами материалистического мировоззрения, следует считать тот факт, что базовая подготовка данного текста была завершена в Севастополе в ноябре 2015 г. за пять дней до отключения света, а процесс сканирования последних фотографий ускорен мною по непонятным мне самой мотивам – за сутки.

Аббревиатуры

Некоторые аббревиатуры нуждаются в пояснении:

- АВ – авианосец
- АУГ – авианосная ударная группа
- АУС – авианосные ударные силы
- БАС – башенный автомат стрельбы
- БВВМУ – Балтийское высшее военно-морское училище
- БЗ – боезапас
- БМРТ – большой морозильный рыболовный траулер
- БИП – боевой информационный пост
- БП – боевая подготовка; БП «Котельников» – плавбаза (база плавучая)
- БПК – большой противолодочный корабль
- БПС – блок питания и сигнализации
- БПЧ ЗАС – буквопечатающий (аппарат) засекречивающей аппаратуры
- связи
- БРТ – большой рыболовный траулер
- БС – боевая служба
- БТКА – база торпедных катеров
- БЧ – боевая часть
- БЭС – Боевой эволюционный свод сигналов
- ВВМУЗ – высшее военно-морское учебное заведение
- ВИКО – выносные индикаторы кругового обзора
- ВМА – военно-морская академия
- ВМБ – военно-морская база
- ВОЛСОК – Высшие ордена Ленина специальные офицерские классы
- ВСКОС – Высшие специальные классы офицерского состава (то же, что ВОЛСОК)
- ГИСУ – геоинформационная система управления
- ГК ВМФ – Главное командование Военно-морского флота
- ГКП – главный командный пункт
- ГО – гражданская оборона
- ГСО – готов к санитарной обороне
- ДК БФ – десантный корабль Балтийского флота
- ЗАС – засекречивающая аппаратура связи
- ЗКП – запасной командный пункт
- ЗКШ – записная книжка штурмана
- ЗП – замполит
- ЗУРО – зенитное управляемое реактивное оружие ИК – инженер-капитан
- КАТС – корабельная автоматическая телефонная станция
- КАТЩ – катер-тральщик
- КВВМУ – Каспийское высшее военно-морское училище
- КВЛ – кильватерная линия
- КДП – командно-диспетчерский пункт
- КИМС – контрольно-измерительная магнитная станция
- КРЛ – крейсер легкий

КУБО ВМФ – Краснознаменное училище береговой обороны Военно-морского флота

КУИПОЗ – Курсы усовершенствования и подготовки офицеров запаса

МО – Министерство обороны; в сочетании «дивизион МО» – малый охотник (катер)

МП – морская пехота

МПВО – меры противовоздушной обороны

МСС – Международный свод сигналов

НИР – научно-исследовательская работа

НОК – научное общество курсантов

НПС – начальник преподавательского состава

НШ – начальник штаба

ОВР – охрана водного района

ОМЛ – основы марксизма-ленинизма

ПБПЛ – плавучая база подводных лодок

ПВХО – противовоздушная и противохимическая оборона

ПДСС – подводно-диверсионные силы и средства

ПЛ – подводная лодка

ПОК – посыльный катер

ППР – плановая приборка

ППСС – правила предотвращения столкновения судов

ПЭЖ – пост энергетики и живучести

РАС – регистрация аварийных событий

РИЗ – рационализаторская и изобретательская работа

РК, РКБ – ракетный корабль

РЛС – радиолокационная станция / служба

РТ – рыболовный траулер

РТК – радиотехнический комплекс

РТС – радиотехнические системы

СБ – спасательный буксир

СКР – сторожевой корабль

СНП – специальный наблюдательный пункт / сигнально-наблюдательный пост

СНиС – служба наблюдения и связи

СПС – связь повышенной секретности / специальный пост связи

ТКА – торпедный катер

ТТД – телефонно-телеграфное дело

ТН – танкер

ТОВВМУ – Тихоокеанское высшее военно-морское училище

ТР – транспорт

ТСУ – тактико-специальные учения

ТТД – тактико-технические данные

ТЩ – тральщик

ЦАС – центральный автомат стрельбы

ЧВВМУ – Черноморское высшее военно-морское училище

ШП – шумопеленгование

ЭМ – эсминец (эскадренный миноносец)

ЭМ УРО – эсминец с управляемым ракетным оружием

ЭОС – экспедиционное океанографическое судно

1. Очерки семейной хроники

Легенда о пращурах

Звали старшего из известных пращуров Петр. О нем есть скорее след, нежели сведения. В семье деда Федора от старших его сыновей дошло упоминание, что пращур наш Петр участвовал в молодости в восстании Пугачева (1773–1775), что совпадает по территории восстания с фамильным селом. Можно только предположить, что родился Петр около 1750 года, а по тому, что его смутно помнил прадед мой Василий Павлович (в раннем детстве, т. е. не младше 3-х лет), Петр прожил примерно до 1835 года, т. е. около 85 лет.

Его сын Павел был отдан в солдаты, участвовал в Отечественной войне 1812 года, причем уже опытным солдатом, можно предположить, что мог воевать и ранее. В это время шли наполеоновские войны в Европе и совпадающая с ними турецкая война 1806–1812 гг.

Отслужив положенный 25-летний срок, Павел завел семью. Его первый сын родился в 1831 г.

Как отставной солдат Павел был крестьянином-однодворцем. Умер вскоре после Крымской войны. По этим сведениям можно предположить, что период жизни Павла Петровича был около 1785–1855, примерно 70 лет.

Достоверно известно, что сын Павла – Василий родился в 1831 г., когда отцу было около 50 лет, что совпадает с предположением о жизненном пути Павла.

Деда Василия упоминают все дети деда Федора Васильевича, т. к. он довольно часто навещал сына. Жил Василий Павлович в селе Языково Симбирской губернии. Видимо, фамилия там укоренилась издавна, т. к. по воспоминаниям старших «полсела было однофамильцев».

Василий Павлович был церковным старостой. Жена, Анастасия, была очень квалифицированная рукодельница-золотошвейка. С детства училась вышивать у монашек в близлежащем монастыре, где воспитывалась, была грамотной. По воспоминаниям внуков – одевалась не как крестьянка, приезжала в Бузулук реже деда и ненадолго.

У Василия Павловича кроме Федора была дочь Анастасия и сыновья Петр и Павел, последний жил в Москве.

Постоянной связи с близкими родственниками у деда не было.

Однако известен такой факт. В начале 900-х годов приехали в Бузулук племянники Федора Васильевича – Григорий (женатый) и Яков. Поселились в семье. Дед их устроил на работу, первого в универсальный магазин городского богатея Киселева, второго на паровую мельницу Чемодурова, после чего они переселились. С началом германской войны они уехали из Бузулука (из письма т. Нины 11.04.85).

Легенда о Самарском знамени

В самом начале русско-турецкой войны 1877–78 гг. (война за освобождение Болгарии от турецкого ига) в России активизировались всевозможные общества содействия болгарскому народу и освободительному движению. В приволжских губерниях родилась идея изготовить расширенное многоцветное знамя цветов болгарских повстанцев (цвета российского флага с заменой синей полосы на зеленую, в память другарей-гайдуков, скрывавшихся по лесам).

Полотнище знамени поручили расшить самым знаменитым рукодельницам.

Помещик Максютков (Максютин? Мансуров?) был активным общественным деятелем и рекомендовал для работы над вышивкой знамени Анастасию Канунникову (жену Василия Павловича).

Когда знамя было выполнено, целая делегация общественных деятелей губернии с некоторым числом обслуживающего персонала выехала на театр военных действий для вручения знамени по назначению. Среди обслуживающего делегацию персонала якобы был муж Анастасии-рукодельницы, Василий Павлович Канунников.

Знамя было с большой помпой вручено командованию болгарских ополченцев и получило название *Самарского знамени*.

Болгары воспринимали Самарское знамя как национальную святыню, символ духовной общности русского и болгарского народов.

Самарское знамя выносилось в войска в самые ответственные моменты боя и всегда вызывало общее вдохновение и духовный подъем войск, приводивший к успеху.

Как реликвия обретенной свободы боевое Самарское знамя в настоящее время хранится в историческом музее Софии. Есть масса живописных полотен батального характера с изображением Самарского знамени.

Обслуживающий персонал делегации, вручавшей Самарское знамя, получил в подарок мундиры болгарских ополченцев, а члены делегации – офицерские мундиры.

Василий Павлович, конечно же, очень гордился своим участием в делегации и надевал мундир по церковным праздникам и иным торжественным случаям.

Неодобрительные высказывания по этому поводу я в детстве слышал от своей бабушки (со стороны матери) – Агриппины (баба Груня).

Единственная фотография Василия Павловича с супругой Анастасией в альбоме – Василий Павлович в мундире болгарского ополченца.

Видимо, эта легенда имеет под собой почву, и если это так, – то можно предположить, что отношение, даже косвенное, к Самарскому знамени имело значение для столь успешной карьеры Федора Васильевича.

Федор Васильевич Канунников (8.06.1869 – 5.11.1924 (25?))

Федор был третьим по счету ребенком Василия Павловича и с раннего детства выделялся из числа сверстников покладистым характером и прекрасной памятью. Окончил церковно-приходскую школу с похвальным листом и рекомендацией от попечительского совета на учебу в учительскую семинарию.

По окончании Симбирской учительской семинарии получил место учителя начальных классов.

В 1887 г. Федор Васильевич женился на Пелагее Павловне Гребениной – 16 лет. Известно, что ее отец Павел Гребенин был крестьянином, но знал столярное дело и работал по найму в столярной мастерской Жолудова в Симбирске, – в деревню наезжал периодически. Мать, Елена Андреевна, постоянно работала поварихой в доме управляющего суконной фабрикой военного ведомства. Пелагея до своего замужества была в той же семье нянькой и с детьми умела управляться с малых лет.

В 1888 г. родился первенец – Петр, а на следующий год молодой учитель был призван на срочную службу в армию. Видимо, не без протекций, службу он проходил в губернском городе в должности писаря и к концу срочной службы был в чине вахмистра (старший унтер-офицер, по нашей мерке «старшина»).

Срочная военная служба перешла в кадровую, когда в 1894 г. Федор Васильевич сдал экзамен на классный чин губернского секретаря (провинциальный, 13 кл.) по военному ведомству и был назначен мл. делопроизводителем (12 кл.) воинского начальника Губернского управления (по нашим меркам – обл. военкомат).

Несомненно, что Федор Васильевич постоянно проявлял свои способности и душевные качества. Неизменно благоприятно аттестовался своими начальниками и безупречно выполнял свои служебные обязанности, иначе не объяснишь его четкое продвижение по чинам и должностям.

После русско-японской войны коллежский ассессор в/в (8 кл.) Канунников награжден орденом Святого Станислава 3 степени и досрочно получил чин надворного советника (7 кл.) военного ведомства.

Перед германской войной в 1913 г. Федор Васильевич награжден медалью 300-летия дома Романовых и переименован в чине, т. е. переведен из военных чиновников в кадровые военные (из коллежских советников (6 кл.) в полковники). Мамина подруга по гимназии, с которой я разговаривал о семье в Бузулуке, твердо заявила, что дед имел чин статского советника (5 кл.).

В это время воинским начальником в Бузулуке был ген. – майор Гвоздев (холостяк). По воспоминаниям тети Симы и тети Нины – Гвоздев был в хороших, товарищеских отношениях с дедом. Очень часто приезжал и играл с детьми, причем всегда отзывался о дедке Федоре Васильевиче с неизменным уважением. Тетушки вспоминают, что Федор Васильевич неоднократно говорил, что Гвоздев много для него сделал.

По существующему тогда положению, с получением обер-офицерского чина (титулярный советник по чинам гражданским) или ордена любого наименования и класса чиновник получал личное дворянство, а дети почетное гражданство (что удостоверялось грамотами).

С получением чина коллежского советника или полковника и при положительных аттестациях чиновник возводился вместе с детьми в потомственное дворянство с занесением в соответствующую книгу, ведущуюся по губерниям.

Канунниковы значились во второй книге Самарской губернии. Занесены в 1913 году.

Кстати, получение ордена Св. Георгия 4 ст. и Св. Владимира 4 ст. возводило в Российское дворянство автоматически по статуту этих орденов. Так что Федор Васильевич и старший сын его Петр Федорович заслужили позже дворянство как бы вторично. Подтвердили по заслугам.

Таким образом, в течение одной только жизни Федор Васильевич прошел все сословные ступени от крестьян во дворяне, и не прихотью самодержца (такие примеры история знает), а упорством, трудом и несомненно недюжинным умом и природными способностями.

Совершенно естественно, что в течение всей своей жизни и служебной карьеры Федор Васильевич был, конечно же, убежденным монархистом с оттенком либерализма, что является следствием его мягкого добродушия и не без влияния литературы начала века. Дед был прилежным и вдумчивым читателем.

Этот монархизм в семье царил как само собой разумеющееся неперемненное состояние страны. Без кликушества и других проявлений верноподданничества. А вот под понятием Россия у детей было воспитано ощущение прежде всего народа, а не царя. Могу так заключить, зная и понимая эту семью.

С началом войны 1914 г. дед Федор был назначен в штаб Юго-Западного фронта в организационно-мобилизационный отдел. Тетя Нина вспоминает, что Федор Васильевич присылал детям посылки из Болгарии и Румынии, а позже из Польши.

В 1916 г. дед был назначен начальником мобилизационного отдела в ставку главнокомандующего и служил, судя по письмам, в Могилеве.

К этому времени он был награжден орденами Святой Анны 2 степени и Святого Владимира – 4 степени, оба ордена с мечами. К этому периоду относится фотография – Федор Васильевич с сыновьями-офицерами: Петр, поручик, Георгиевский кавалер, Михаил-подпоручик и прапорщик Федор (мой отец). Константин в это время был тоже прапорщиком, но был в другом месте.

После февральской революции Временное правительство якобы присвоило деду чин генерал-майора, но он генеральскую форму не одел, т. к. одновременно ему предлагалось участвовать в походе карателей на восставший Петроград. Дед категорически отказался и от генеральского чина, и от участия в походе (из писем Виктора и Георгия). Знавшие деда солдаты относились к нему хорошо, никаких эксцессов во время фактического разгона ставки генерала Духонина с дедом не случилось, и он благополучно возвратился домой в Бузулук.

С организацией Красной Армии в 1918 г. Федор Васильевич был призван в качестве военспеца и проходил службу в штабе армии в Самаре, откуда несколько раз приезжал к семье. В 1921 г. он демобилизовался и переехал из Бузулука в Ташкент. Пожар в доме ускорил отъезд в Ташкент. Старших сыновей судьба разбросала по разным местам, все были женаты, а Константин сгинул. В 1921 г. в Поволжье свирепствовал голод, а Ташкент был – город хлебный.

Был куплен недостроенный дом с участком, дом достроили, посадили сад. Через сад протекал арык. Была окраина под названием Ал-Мазар. Со временем город кругом расстроился, и тупик Алея оказался, как оазис в центре города.

В это время дед работал в республиканском военкомате, т. е. по специальности – делопроизводителем.

5 ноября 1925 г. Федор Васильевич умер. В это время т. Сима была уже замужем, Василий и Виктор – учились в школе.

Конечно, я смотрю на эту большую семью глазами своего отца, который в разное время много рассказывал мне о своем детстве. Позже я разговаривал с обеими тетями и Виктором. У всех мнение об отце Федоре Васильевиче едино и однозначно. Все считают, что это был человек превосходных человеческих качеств.

«Воплощение доброты, чуткости и чисто человеческой теплоты, не только по отношению к нам – детям, но и ко всем людям. А люди и в бытность в Бузулуке, и в Ташкенте шли к нему за советом и участием».

«Более светлой личности, чем наш отец, я в жизни не встречал» (Виктор Федорович).

Отец мой, Федор Федорович, вспоминал, что отец детей наказывал, конечно, в зависимости от уровня и последствий проступка, но всегда справедливо. Интересно, что орудием возмездия была не розга или плетка (в те времена предметы, часто встречающиеся и в интеллигентных семьях) и даже не ремень, а например, пояс от халата или полотенце. Всяческие детские споры и стычки дед решал очень обстоятельно, допрашивал обе стороны, и часто после такого разбора дело кончалось вопросом: – «Ну и как же получается по справедливости?» Зачастую на этот вопрос отвечали сами дети: – «Надо всыпать».

Все говорят, что характером младший сын Федора Васильевича – Виктор, – копия отец. Видимо, это так. По этому поводу имею личное мнение. Удивительно мягкий, доступный и милый был человек, но о нем особо.

Как-то, в один из последних моих приездов в Бузулук, разговаривал я с глубоким стариком, Кондратьевым Михаилом Макаровичем, было это в 1976 г. Свидание с ним устроила мама, зная, что я собираю сведения о родичах. Разговор наш был и долгий, и трудный, т. к. дед был в солидном возрасте и глуховат. Здесь важно мнение из первых рук. И это мнение о деде меня огорошило: – святой!

Кондратьев был писарем, солдатом, но, видимо, был человеком старательным и неглупым. По его словам, дед – сделал из него человека.

Сперва, будучи уже «высоким благородием», занимался с ним по программе сдачи на классный чин. После успешной сдачи способствовал устройству молодого коллежского регистратора на штатное место. Многие годы учил и помогал по делу и службе. Конечно же, был дед посаженным отцом на свадьбе (удачной), крестил первенца и вообще покровительствовал долгие годы, чем и вызвал естественную глубокую благодарность.

Одно несомненно подтверждает высокие человеческие качества Федора Васильевича – это семья, им созданная. Семья была очень многочисленная, и выросшие дети получили хорошее воспитание и образование, хотя времена были тяжкие.

Семья

Семья формировалась постепенно, чтобы в конце концов стать тем самым ДОМОМ, куда всех членов семьи тянет и куда они стремятся приехать при первой возможности. Главную роль в формировании ДОМА и семьи в целом принадлежит несомненно деду моему Федору Васильевичу. Именно он с его умом, наблюдательностью и бесспорными человеческими достоинствами постепенно внедрял то хорошее, достойное, что наблюдал в семьях сослуживцев и знакомых, что считал нужным и возможным сам.

Семья жила скромно, только на жалование. Достаток с чинами рос, но росла и семья.

Прежде всего, постоянно с самой свадьбы в семье жила бабушка всех детей, мать Пелагеи Павловны – Елена Андреевна. Всего за 25 лет родилось 12 детей, из них 8, 6 мальчиков и 2 девочки, стали взрослыми и упоминаются ниже.

№	Имя	Даты жизни	Взрослые дети	Дата	Внуки	Правнуки
1	Петр	1888С 1918(19)	Георгий	1915С 1989	Александр, Татьяна	Ольга, Евгений, Ксана, Егор, Виктория, Владимир, Денис, Константин
2	Владимир	1890 *	-	-	-	-
3	Михаил	1892С 1944	Евгений, Юрий	1923С 1944	-	-
4	Федор	1894С 1945	-	1924С 1992	Марина, Михаил *	Борис
5	Константин	1896С 1921(22)	-	-	-	-
6	Николай	1898 *	-	-	-	-
7	Серафима	1900С 1978	Виталий	1928	Наталья*, Михаил *	Евгений
8	Нина	1903С 1987	Светлана	1929	Ирина, Татьяна*	Светлана
9	Тансия	1905 *	-	-	-	-
10	Василий	1906С 1953 (54)	Галина, Игорь	1932 1938С 1999	Дмитрий, Татьяна, Игорь, Вадим	Дмитрий, Станислав
11	Георгий	1910 *	-	-	-	-
12	Виктор	1913С 1983	Виктор, Наталья, Ольга, Юлия	1946	Дмитрий, Андрей, Елена	Мария

* С умерли в младенчестве или раннем возрасте.

(Таблица дополнена М. Ю. Канунниковой, сведения на 2014 г.)

(Вспоминаю, что в детстве у кого-то из родственников видел большую групповую фотографию. Довольно большая группа мужчин, человек 40–50, на фоне церкви.

Судя по одежде и мундирам, в группе были и офицеры, и чиновники, и купцы, а также мещане, крестьяне и священнослужители разных рангов. Помню, что было сказано, – это выходцы из деревни Языково, половина из них Канунниковы, собраны по случаю какого-то юбилея престольного праздника деревенской церкви. Показывали и деда Федора Васильевича, и его отца Василия Павловича, который, как уже говорилось, был церковным старостой).

После Саратова некоторое время жили в Бугуруслане, а в основном в Бузулуке.

Каменный одноэтажный дом (6 окон на улицу) стоял на улице Набережная (позже – ул. Кутякова). Это был конец города. С другой стороны улицы был довольно крутой обрыв и далее широкий луг, метров 500, далее обрывистый берег реки Самары. Противоположный берег – песчаный пологий (пляж), и еще дальше лес, и горизонт закрывали горы (отроги Общего Сырта, входящего в систему Уральских гор).

Вид с улицы и из окон дома на улицу в сторону гор был чудесный. Слева в квартале начинался городской сад. Центральная его аллея выходила на угол улицы, пересекавшейся с Набережной.

С другого конца улицы в двух-трех кварталах на самом обрыве располагался женский монастырь. Специальной постройки из красного кирпича (церковь и несколько домов).

После гражданской войны монастырь был, конечно, закрыт, монашки разошлись кто куда, но некоторые остались в городе. В 1982, когда в ноябре я хоронил маму, в похоронах участвовали четыре монашки из тех, кто еще был в монастыре.

Мужской монастырь стоял в горах за лесом. Тоже из красного кирпича с кирпичной же оградой. Долина, где стоял монастырь, называлась Иосафатова. На башне монастыря были куранты, бой которых в хорошую погоду был слышен в городе.

В 30-е годы мужской монастырь разогнали и поместили колонию малолетних преступников. Куранты были немедленно сломаны.

Такое расположение дома создавало для детей массу возможностей. Сад для игр днем. Зимой аллеи сада заливались и организовывался городской каток. Кроме летнего сада, заливались катки в сквере на главной улице и во дворе гимназии и дворянского собрания. Катки были платные, но посещались охотно. С обрывов противоположной стороны улицы зимой катались на санках и лыжах. Летом на луге играли в лапту и чижа. На самой улице с весны на проталинах начиналась игра в козны (в бабки), а после того, как улица высыхала, очень азартно играли в клёк и в городки. У девочек было серсо, а перед самой войной был выписан крокет.

Двор дома за воротами был большой, разделенной сараем и погребом с сеновалом на две части. Ближе к дому был сад с цветниками, а за сараем – огород. И то, и другое не без помощи детей аккуратно возделывалось.

Двор тоже был местом для игр, причем поскольку к играм подключались соседские дети (с трех сторон) – то заборы, довольно высокие, – помехой не являлись. Поэтому и казаки-разбойники, и прятки проходили весьма оживленно. На крыше сарая была голубятня с голубями, а угол огорода был отгорожен для кур. Одно время держали корову, а свиньи и несколько овец были постоянно.

Когда начинал таять снег по весне, всей семьей набивали снегом погреб. Лед в погребе, если снег хорошо трамбовался, держался все лето и осень.

Плодами огорода пользовались для повседневного питания, а основные заготовки овощей делали обязательно осенью с базара (осенних ярмарок) или, если случалось, ездили в деревни.

Яблоки (анис, антоновку) хранили на чердаке, овощи в обширном подвале под домом.

Каждую осень производились массовые засолы огурцов, капусты, арбузов, яблок. В подвале всегда стояло несколько бочек и бочат с соленьями. Само собой, варились разнообразные варенья, тут для детей раздолье – лизать пенки!

Голубей гоняли лет с 10, сперва подручным (почистить, покормить и т. п.), а старше – без ограничения возраста. Занятие увлекательное и азартное. Хотя и вредное для учебы.

Голубиный гон – это целая наука со своей терминологией пород и статей птиц, правилами гона и характером полета стаи.

В округе голуби водились почти в каждом доме, и летними вечерами устраивались целые представления.

Стаи кружились в небе вокруг своих голубятен. Хозяева голубей торчали на крышах, задрав головы, – то свистя, как соловьи-разбойники, то размахивая погоном (жердь с тряпкой на конце). Турманы в полете кувыркались в воздухе, вызывая восторг голубятников и зрителей. Главной целью гона, кроме прелести слежения за четким полетом стаи, было – загнать голубя, а то и всю чужую стаю. Сперва посадить на свою крышу, а если удастся – то и заманить в свою голубятню. После чего наступает торг – выкуп или обмен загнанных голубей, здесь опять

целая наука неписаных законов и правил. Нередко голубиные дела заканчивались потасовками и даже настоящей длительной войной улиц и участков.

Петр был королем голубятников! И стая была на подбор, и турманы не ленились, и загонял он чужих голубей и целые стаи артистически. Скажем прямо, голуби очень отвлекают от учебы, и Петя учился неважно. За курс реального училища два или даже три раза оставался на второй год, но неизменно ходил в уличных героях.

Большим успехом, особенно в длинные зимние вечера, пользовалось *лото*. Играли всей семьей, для игры нужно было знать только цифры и самые элементарные правила, поэтому в лото начинали играть очень рано, лет с 4–5-ти. Играли на деньги по полущке (1/2 коп.) за карту. Почему-то отдельные цифры на бочатах имели имена собственные, например, «1» называлась «кол», «11» – «барабанные палочки», «69» – «туда-сюда», «77» – «дамские ножки» и т. д.

Кроме лото, играли в карты. Дети – в пьяницу и дурачка. Взрослые в преферанс.

В почете были шахматы. Сам Федор Васильевич играл хорошо, решал шахматные задачи и даже сам составлял этюды, которые иногда посылал в журналы и газеты. В шахматы хорошо играли все братья.

Были и другие настольные игры, например – очень популярная в начале века игра «Рич-рач». Играли двое или четверо, смысл в достижении фишкой цели, причем ходы определялись на основе бросания игральной кости.

Кстати, на этом принципе появилась масса игр, которые высылались в качестве приложения к журналам.

О книгах и журналах следует сказать особо. Федор Васильевич всю жизнь методически собирал библиотеку, которая в конце концов, как отмечают и родственники, и знакомые, стала к первой мировой войне – одним из лучших частных собраний в городе. Отмечалась ее доступность для знакомых и многочисленных соучеников всех детей.

Достаточно сказать, что когда в 1920 году в доме случился пожар, книги спасти не удалось, но только книги, возвращенные «с рук», думаю, далеко не всеми, – составили (как можно судить по переплетам и экслибрисам) до сотни томов самого различного характера. Например, переплетенные комплекты журналов «*Нива*» за 1906 и 1915 годы, комплекты детских журналов «*Светлячок*», «*Задуманное слово*», «*Всемирный следопыт*».

Эти журналы выписывались из года в год и обязательно единообразно переплетались в черный коленкор с золотым тиснением названий.

Кроме того, к журналам ежегодно шли приложения классиков русской и зарубежной литературы. Многие приложения составляли собрания сочинений приключенческой литературы (Купер, Майн Рид, Брет Гарт, Луи Буссенар, Жюль Верн и т. д. и т. п.). Обычно это были дешевые издания в мягких переплетах, но все они переплетались в одном общем для всей библиотеки стиле.

Искусству переплета в то время учили во многих семьях. Наша исключения не составляла. Умели переплести все дети (мальчики). Был комплект необходимых инструментов – особые тиски, пресс, резак, шрифты для выдавливания букв и т. п.

В библиотеке были и подписные издания, например, энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, другие словари. Помню, в детстве я часто смотрел великолепные иллюстрации в академических изданиях «*Божественной комедии*» – Данте и «*Потерянном и Возвращенном Рае*» – Мильтона.

Все мальчики прекрасно рисовали, поэтому в библиотеке было много альбомов репродукций и иллюстрированных жизнеописаний русских художников *Игоря Грабаря*. Тома последних, я видел Репина, Серова и Сурикова (до пожара были и другие), имели характерный светлый переплет с волнистыми цветными линиями.

В семье музыкой не увлекались, пианино не было. Были гитара и мандолина. Играли понемногу все, но очень хорошо на гитаре играл Михаил, а на мандолине Петр. По праздникам они устраивали целые концерты.

Неожиданно способности проявил Константин. Он хорошо играл на всех струнных инструментах и в конце концов ему еще в детстве пригласили учителя музыки, француза, и он стал заниматься скрипкой. По отзывам всех, кого я знал, Константин подавал серьезные надежды в музыке, был отдан учиться в гимназию, в то время как все старшие учились в реальном, и мечтал поступить в консерваторию, однако началась мировая война, и вместо консерватории патриотизм толкнул мальчика в юнкера Чугуевского пехотного училища, и в 1915 г. молодой прапорщик был на фронте.

В семье была легенда. Якобы за успешное окончание гимназии Федор Васильевич выписал для Константина какую-то необыкновенно ценную скрипку (говорили, конечно, – Гварнери).

После смерти Федора Васильевича в 1924 г. вскоре без особой острой необходимости бабушка Поля продала скрипку в футляре старьевщику за 15 руб. Конечно, один футляр стоил дороже. Эту легенду я слышал буквально от всех дядей и теток, с которыми я в разное время встречался. Видимо, это был факт, тронувший своей нелепостью всех.

Для того чтобы представить себе соотношение детей семьи по возрасту, сравним их по годам.

Имя	1900	1905	1910	1914	1917	1924
Петр	12	17	22	26	19	+
Михаил	8	13	18	22	25	31
Федор	6	11	16	20	23	29
Константин	4	9	14	18	21	+
Серафима	-	5	10	14	17	24
Нина	-	2	7	11	14	20
Василий	-	-	4	8	11	18
Виктор	-	-	-	1	4	11

Очевидно, что группа старших мальчиков была близка друг к другу по возрасту, имея атамана и заступника (непосредственного или потенциального) в лице старшего брата Петра.

В младшей группе лидером была Серафима. Годы – не случайны, это начало века, японская война, год, когда бабушка Поля осталась без правой руки, война с Германией, революции (год смерти бабушки Елены) и год смерти Федора Васильевича.

Руку бабушка Поля потеряла из-за скудости медицины того времени. Занозила на правой руке палец, образовался нарыв, который дал заражение крови. В конце 1909 г. ампутировали ладонь, а в начале 1910 – выше локтя. На реликтовой фотографии с полковником – 1913 г. руки уже нет.

Конечно, управляться с большой многодетной семьей было трудно. Готовила на всю семью бабушка Елена.

Пища была очень простая. По рассказам моего отца Федора, на первое варились зимой щи (или уха), летом борщ, окрошка (или опять же уха). На второе преобладали разнообразные каши с приправами.

Зимой добавлялись соленья, осенью – арбузы и дыни. Квас был всегда и даже нескольких видов. Посты неизменно соблюдались. Семья была верующая, как обычно, но без особого

фанатизма. В ближайшую Никольскую церковь ходили не чаще раза в неделю и по всем православным праздникам. Своевременно крестили детей, своевременно причащались.

Иконы были в спальнях родителей и детей. Было принято с детства – прочесть молитву перед сном. В общей комнате висела большая икона с лампадой. Лампаду зажигали по праздникам.

Православные праздники отмечались по возможности широко, особенно рождество (елка устраивалась самая роскошная!) и пасха. С пасхой связаны куличи, крашеные яйца и всевозможные пасхи, не считая прочей, не ритуальной снеди. Готовила бабушка Елена (Еля, как ее звали дети) – вполне профессионально.

Особенно славились у Канунниковых блины на масленицу. Блины бывали тоже нескольких сортов с различными приправами (например, мерзлые сбитые сливки, вязига, икра и т. п.)

Нередко заводились пельмени. Тогда работали все дети, буквально с 4–5-тилетнего возраста.

Сборное (вырезка говядины, свинина и баранина) мясо рубилось в колоде специальной тяпкой по форме полукруглой колоды.

Лепешки для пельменей делались поштучно из маленьких круглых катышков.

Едоков было много, поэтому лепили пельмени все от мала до велика. Очень ценилось умение «писать» шов пельменя мелким письмом, что гарантировало целостность каждого и сохранность в нем бульона.

С большим удовольствием вспоминаю, как в 1956 г., встретившись в Геленджике, мы с дядей Виктором дома у тети Серафимы вдвоем состряпали пельмени по всем правилам науки на удивление нашим хозяйкам! Управляться с хозяйством почти ежегодно увеличивающейся семьи было трудно, поэтому всегда нанималась нянька из подростков.

Няньки жили как члены семьи. Последней была Маруся, появилась она в период болезни бабкиной руки, было ей лет 15. Она очень быстро научилась с девочками грамоте, много читала. Добросовестность, приветливость и мягкий характер сделали ее любимицей всей семьи, она прожила в семье все войны и революции. Вскоре после смерти Федора Васильевича Маруся удачно вышла замуж за мастерового Ефима Иванова, их первенец 1925 года рождения Владимир прекрасно учился, сам поступил и успешно закончил МГИМО, работал в Чехословакии и в Англии в области дипломатической прессы. Его отец Ефим Иванович погиб под Сталинградом во время войны. Маруся поддерживала связь с членами семьи до самой своей смерти в 1970 г. Владимир Иванов сейчас на пенсии. Живет в Москве. Его сын Кирилл, теперь уже потомственный дипломат, закончил английскую школу, МГИМО.

Вспоминаю, что после окончания института Вовка был назначен в редакцию журнала «Советский Союз» (на английском языке) и получил комнату в ведомственной трехкомнатной квартире по Капельскому переулку (в остальных комнатах жили семьи китайца и индуса!)

Все приезжающие в Москву Канунниковы, а то и их знакомые, останавливались у Вовки! Иногда «сталкивались» по несколько человек. Общага была еще та! Всякий раз Вовка безропотно встречал, обслуживал и провожал. Неизменно радушна бывала и тетя Маруся, которая жила в Москве наездом, а постоянно в Борском.

После Чехословакии, где Вовка преподавал в Пражском университете, была получена отдельная квартира на пр. Мира, в доме, что против взлетающей ракеты ВДНХ. В подъезде дома МИД была вневедомственная охрана, но это, по-моему, не избавило Володю от проезжих «родственников». В 1972 г. он был назначен в Англию, в отдел прессы нашего представительства в Лондоне, после своего возвращения, не иначе опасаясь беспокойства на старости лет – своего местопребывания не афиширует.

1955 год ознаменовался Московским всемирным фестивалем молодежи и студентов. По чистой случайности я был во время фестиваля в Москве проездом в отпуск из Калининграда в Геленджик. Для пересадки у меня были почти сутки. Володя меня встречал и сообщил, что

он в составе группы переводчиков обслуживает фестивальные группы иностранцев, но у него выходной. Надо сказать, что будучи в курсе мероприятий и объектов фестиваля, за день он мне показал очень многое. Поздно ночью проводил на поезд.

(Кстати, прозвище «дипломат» Володя получил еще в школе за выдержку, невозмутимость и умение хранить чужие секреты. – М. К.)

Была в семье общая страсть – рыбалка!

С северо-восточной стороны города протекала река Самара, на набережной буквально в 500 м от воды стоял дом семьи.

В начале века р. Самара была вполне приличной и полноводной рекой. В половодье река выходила из берегов и заливала весь луг и половину городского сада.

Рассказывали, что бывали особенно сильные половодья, когда у домов на набережной заливало погреба, подвалы и даже дворы, но таких случаев за 20 лет было 2–3. Таким образом в половодье вода доходила до улицы.

Кроме Самары, в черте города, за городским садом впадала маленькая речушка Домашка в крутых берегах. Сейчас остался один овраг, сплошь засаженный и застроенный садовыми участками, а в детстве я в Домашке сам ловил пескарей и красноперок. От дома, где жил я на ул. Оренбургской (позже Куйбышева), до Домашки было ближе, чем до Самары.

В нескольких километрах от Бузулука в р. Самару впадала река Ток, текущая с северо-востока, а западнее города в реку Самару впадала р. Бузулук со стороны юго-запада. Все близкие речки были рыбные.

В семье рыбалкой занимались серьезно. Орудия лова были в достаточном количестве и содержались бережно.

Составных удилищ тогда не было, видимо, еще не изобрели, поэтому удилища были черемуховые, длинные, но цельные, для поплавкового лова или лова нахлестом. Короткие – для донка, здесь иногда применялись колокольчики.

Капроновых лесок не было. Самые ценные лески были волосяные (с узелками), манильские и шелковые (различной толщины). Для младших детей, а в рыбалках участвовали мальчики лет с пяти, применялись и простые суровые нитки.

Поплавки обычно делали сами из пробок или гусиных перьев. Готовых к действию удилищ было много, не менее двух десятков. Кроме того, черемуховые хлысты (предварительно распаренные) висели в сарае с грузами, для выравнивания. Спиннинги тоже появились позже.

Кроме удилищ были и другие снасти: переметы (длинный шнур с множеством подвесок из лески с крючками на конце), небольшой бредень, назывался пятерик (длиной сеть была 5 сажень).

Из сетки, которую плели сами, изготавливались сачки, садки и вертеля.

Поскольку река была близко, то накопать в огороде червей, схватить удочку и прибежать на речку – было минутное дело, – простенькая рыбалка была делом доступным и повседневным. Конечно, такая рыбалка завершалась десятком пескарей, плотвичек и ершей (реже окуньком или подлещиком), нанизанных как кукан или, если забыли, то на прутик тальника, который рос на берегу реки повсеместно.

Другое дело – заранее обусловленный, но тоже ребячий выход на рыбалку. Тогда готовили удочки заранее (поплавковую и донку на живца), брали котелок, садок для рыбы, а иногда и заправку на уху, хлеба, снеди и выходили группой свои и соседские мальчики пораньше на рассвете. Место выбиралось подальше. Выше по реке и ниже города лес подходил с низового берега вплотную к реке, но были места и со стороны города под обрывами берега. С этой стороны особенно хорошо ловились ерши и щурята.

Ставили донки на живца, а сами располагались вдоль берега с поплавковыми или донными удочками.

На перекатах местами хорошо брались плотва и головли внахлест, т. е. без поплавка, но в качестве приманки на крючок насаживали муху или кузнечика. Леску вощили, чтобы она не впитывала воду и тонула не сразу. Удочка для ловли внахлест нужна длинная. Рыболов осторожно шел по перекату и забрасывал леску без грузила и поплавка, так, чтобы леска и приманка лежали некоторое время на воде, медленно двигаясь по течению. Рыба хватает наживку с поверхности воды. Лов внахлест – искусство, доступное опытным удильщикам.

Побережье вблизи города и вниз, и вверх по течению Самары мальчики знали превосходно, были излюбленные места со своими топонимами, например: – Агрономова яма, Тихая заводь, Кукушкина заводь, Водокачка, Болгарские огороды, Чемодурка (развалины бывшей некогда мельницы владельца Чемодурова) и т. д.

Из города, примерно от женского монастыря, к реке через заливной луг шла довольно высокая дамба, укрепленная камнем. По дамбе шла дорога к мосту через Самару. Мост был деревянный и ежегодно сносился паводком и восстанавливался при спаде воды. Под мостом были рыбные места, но появление там часто сопровождалось потасовками с ребятами из железнодорожного поселка, поэтому «малой силой» под мост рыбачить не ходили.

Такие групповые выходы на рыбалку были систематическими. После утреннего клева купались, валялись на песчаных участках берега. Иногда варили уху, если улов был не только для кошек, добычу с гордостью несли домой. Рыбу в садке перекладывали мокрой травой, и она не портилась.

Все мальчики начинали плавать в 5–6 лет, к тому же компании рыболовов почти всегда возглавлялись Петром, а он был лицом доверенным, – младших он трогательно опекал.

Однако событиями в семье были выезды на рыбалку с ночевкой, обычно под руководством Федора Васильевича. Чаще всего ездили своей семьей, но бывали выезды с семьями сослуживцев или знакомых, с женщинами. В таких случаях почему-то рыбалки называли маёвками.

Готовились заранее и снасти, и провизия, и другое снаряжение.

Иногда на выбранное место (или ближе к выбранному месту) ездили на нанятом специально извозчике. Реже поездом до первого разъезда в сторону Самары – Колтубанки, там протекала речка Колтубанка, но главное – это чудо природы, великолепный бор корабельных сосен!

Во всех изданиях энциклопедического словаря есть упоминание об этом реликтовом лесу. В степном или лесостепном Заволжье это место уникальное – *Бузулукский бор*.

Были излюбленные места для рыбалок (и маёвок) не только на Самаре, но и на реках Ток, Бузулук.

Собравшись заранее, выезжали из города так, чтобы на месте быть на вечерний клев.

Места, как правило, были знакомые – поэтому, не тратя время, начинали лов.

На таких выездах применяли подкормку рыбы. Для подкормки парились загодя отруби, размачивались сухари и варилась перловая или пшеничная каша и горох. Подкорм разбрасывался в нужных местах, а кроме того накладывался в мешочки из мелкой сетки, а наполненные сетки ставили в воду на кольях или вывешивались с борта лодки.

После захода солнца – собирались в лагере, где уже весело трещал костер и коптился увесистый чайник.

Улов обычно оставляли в воде в садке.

Все, с кем мне приходилось разговаривать в разное время жизни, с неизменным восторгом вспоминают эти ночи у костра, поздний, но удивительно вкусный ужин, чай, пахнущий дымом, крики ночных птиц, бесконечные «страшные» и рыбацкие истории, как с кем-то случившиеся, так и вычитанные или выдуманные.

Дед Федор Васильевич был умелым и хорошим рассказчиком, мог изложить события и интересно, и с надлежащей моралью. Вспоминал случаи из своего детства и юности, а также и чужие рассказы.

Не случайно мой отец в аналогичных обстоятельствах моего детства поступал так же, поэтому я так отчетливо представляю себе излагаемые подробности.

Дед Федор Васильевич был рыболов-артист. Знал мести клева, способы лова, особенно-сти «вкусов» различных рыб в разное время суток и года. Он ловил целенаправленно, не что попадетсЯ, а сома или жереха на живого лягушонка на донку. Голавлей над ямой с подкормом из моченых хлебных корок на червя, а иногда на хлебный катыш. Обычно с лодки, стоящей поперек течения, на двух жердях, воткнутых в дно. Или сазанов, тоже с прикормом на вареное зерно или горох. Или лещей на донку на распаренное зерно.

Дед был удачлив, иногда экземпляры попадались выдающиеся, например, сом в два аршина под двадцать фунтов веса. Десятифунтовые сазаны или жерех аналогичного размера. Конечно же, рассказы о таких удачных рыбалках повторялись позже, обрастая новыми подробностями.

На ночевках бывало по-разному. Но всегда брали с собой два больших куска брезента для подстилки и укрытия. Иногда делали из брезента шатер, иногда сооружали шалаш из веток. Один из этих кусков брезента дед оставил, уезжая в 1921 г. в Ташкент. Я помню этот брезент, участник всех рыбалок с ночевкой в дни моего раннего детства.

Я не буду описывать священнодействие в виде варения рыбацкой ухи! Конечно же, после ночевки в лесу, утреннего лова – все были голодны до предела.

Иногда, после удачной «зорьки», уху варил сам дед, но и дядя Петр унаследовал эти навыки. После ухи отдых и возвращение.

Особое место в воспоминаниях о своем детстве всех членов семьи занимают вечерние чтения вслух.

Семейные чтения вслух были издавна заведены Федором Васильевичем, скорее всего, с самого момента женитьбы. Сперва только для просвещения молодой жены и для себя, конечно, а позже стало привычкой, своеобразным ритуалом.

Читал сперва сам Федор Васильевич, позже – старшие дети. Читали обычно очередные тома классиков, а также и приключенческую литературу. События и содержания романов оживленно обсуждались всеми слушателями.

Значение подобных семейных чтений и обсуждений понятно и не нуждается в оценке.

Конечно, семейные чтения не заменяли, а скорее поощряли индивидуальное чтение книг и в особенности журналов всеми детьми.

Как могу судить по самым ранним воспоминаниям своего детства, чтения вслух были приняты и в нашей семье.

Читал Федор Федорович, а мама, бабушка, Нина и я располагались где кому удобнее.

Имена Смока Белью, Белого Клыка (из Джека Лондона), Фрике и Андре (герои нескольких приключенческих романов Луи Буссенара) я знал раньше Мойдодыра или Вани Васильчикова (герои детских книг Чуковского).

У нас семейные чтения вслух зимними вечерами прекратились только после ареста отца, однако на всю жизнь приучили меня к книге. Уверен, что аналогичную роль семейные чтения играли и для детей Федора Васильевича.

К началу первой мировой войны старшие сыновья, а затем и глава семьи разъехались. Бабушке Поле с четырьмя детьми (старшей Серафиме было – 14 лет) жилось нелегко. В это время часть комнат большого дома стали сдавать артистам Бузулукского театра.

В Бузулуке, недалеко от набережной, был построен превосходный театр. (Улица называлась Театральная, после пожара – Чапаевская).

Зрительный зал имел ложи, два яруса балконов и галерею (галёрку).

С момента постройки, то есть с 1909 года, гастрольные труппы сменяли друг друга, причем театр не пустовал.

В кругу дворянства, чиновников, купечества и интеллигенции города было принято покупать абонементы на все время гастролей.

Я вспоминаю, что в нашей семье тоже бывал абонемент на галёрку, и меня очень часто брали родители даже на вечерние представления.

Бывали на гастролях и оперные, и драматические, и опереточные труппы.

Помню фамилию комика одной из опереточных трупп – Юрий Лесат. Значительно позже встречал я это имя в чьих-то воспоминаниях. Бузулукский театр сгорел в 1930 г., с тех пор не восстановлен.

Родители и дети посещали театр со времени его постройки. Это было и престижно, и необходимо для воспитания детей. Особенно часто (со слов тети Симы) посещали театр в тот период, когда артисты очередной гастролировавшей в Бузулуке труппы (обычно это была семья артистов среднего достатка) жили в доме на Набережной. Этим объясняется доступность контрамарок на представления. Особенную склонность к театру имел Федор, который позже в течение всей своей жизни (в том числе и в лазарете Темлага) участвовал в самодеятельности.

Молох гражданской войны разметал семью в разные стороны. С захватом города войсками Колчака, после восстания белочехов, старшие братья-офицеры были мобилизованы.

Когда встал вопрос об общей эвакуации, Федор Васильевич наотрез отказался и остался с младшими детьми в Бузулуке.

Не удивительно, что братья были монархистами по воспитанию и достигнутому семьей общественному положению, но будучи на фронте в солдатской среде, не оказались глухими к вопросам, кипящим на фронтовых солдатских митингах.

С другой стороны, находясь в офицерской среде, не могли не чувствовать своей неполноценности «лапотных дворян». Потомственное (столбовое) дворянство, особенно из имущих, не упускало случая дать это почувствовать.

Наконец, с детства воспитанное представление о неразрывности России и народа, именно народа, который избрал свой путь, – не могло позволить заблуждаться длительное время. Белое движение было против народа, и братья очень скоро разными путями (подробностей я не знаю) оказались вместе со своим народом. Видимо, примеров для размышлений и выводов было более чем достаточно, и выбор был однозначным.

Пелагея Павловна

Родилась в с. Языково в семье крестьянина-столяра Павла Гребенина (Гребенщикова) в 1871 г. Закончила трехлетнюю (одноклассную) церковно-приходскую школу. Работала нянькой в доме управляющего суконной фабрикой военного ведомства, где ее мать Елена Андреевна служила поварихой.

Вышла замуж 16-ти лет.

Я бабушку Полю не видел, т. к. после переезда в 1921 г. в Ташкент она никогда не выезжала. Рассказы, а точнее, упоминания, о ее характере слышал от родителей, обеих теток и двух дядей (Виктора и Василия), а также от жены Василия – Нины Дмитриевны, двоюродного брата Георгия и двоюродной сестры Светланы.

Заключение у меня однозначное – ладила, по словам Георгия, бабушка Поля только с его матерью Анной (женой, а точнее, вдовой Петра).

Конечно, следует учитывать, что семья была большая, всегда были маленькие дети и хлопот более чем хватало. Все отмечают, что характер у бабушки Поли был властный, суждения быстрые, и на расправу была горазда. Шлепки, дерганья за уши и космы – сыпались во все стороны. Причем говорят, что, лишившись руки, бабушка стала еще круче, управляясь одной левой свободно. Рассказывают, что и в работе по дому (с помощью бабушки Ели и Маруси) она управлялась. Например, ставила и вынимала из русской печи ведерный чугунок щей ухватом!

Для стирки и предпраздничных уборок, а также ремонтов и побелок – нанимали со стороны. Кстати, здесь затруднений не было, т. к. все ближние и дальние соседи относились к семье Федора Васильевича с любовью, почтением и вниманием, ценили его человеческие качества и нередко пользовались его советами.

Однако, отмечают все, – угодить бабушке Поле было трудно. Суждения ее были крайние и не всегда объективные. Дети ее боялись, а деда обожали.

Дед Федор Васильевич был мужчина видный, высокого роста, стройный, с хорошей военной выправкой. Рассказывали мне, что бабушка Поля частенько устраивала ему сцены, не стесняясь присутствия детей. Ревность ее была болезненная (была она небольшого роста, курносая, невидная), все это усугубилось после потери руки.

Тяжко написать, но было мне сказано, что кончину Федора Васильевича всего-то на 56 году жизни – бабушка Поля ускорила.

После смерти деда в доме в тупике Алея на Ал-Мазаре остался школьник Виктор, Василий учился на рабфаке, Нина работала секретарем-машинисткой (?) и тянула основную нагрузку по содержанию семьи. Михаил с семьей (Софья и маленький годовалый Евгений) жил в Бузулуке, и Федор с семьей (Елизавета, Нина, я и бабушка Агриппина) – в Бузулуке; Серафима с Василием Спиридоновичем Барашкиным и новорожденным Евгением, который вскоре умер, – также жили в отъезде на ст. Арысь. Посильно помогали матери, но все жили весьма скудно.

Вскоре Нина вышла замуж за Георгия Ефимовича Шатого и переехала. Окончив рабфак, Василий уехал в Ленинград и поступил в политехнический институт.

Пришлось сдавать комнаты отчего дома.

С возрастом бабушка становилась все деспотичнее и капризнее, увы, старость не радость.

Виктор закончил школу, некоторое время работал электромонтером, женился. Вырвалась как-то у него фраза, что первую-де жену бабушка «съела», – можно поверить. С рабочим стажем Виктор поступил в электротехнический институт (заложив начало династии электриков). Перед войной женился вторично, Надежда Николаевна изрядно и самоотверженно обслуживала и старательно обхаживала бабушку, которая отошла в лучший мир на 82-м (1952) году жизни, когда появилось следующее поколение – Виктор младший.

Ради справедливости стоит заметить, что характер бабушки не мешал ей вести себя самоотверженно с детьми, быть верной и последовательной спутницей жизни деда, помощницей при постепенном преобразовании устоев семьи, от чисто крестьянского – до вполне респектабельного уклада дома, взрастившего порядочных, вполне интеллигентных людей.

Петр Федорович

Первенец семьи, родился в 1888 году. К младшим братьям относился заботливо и покровительственно. Такая ранняя ответственность и лидерство воспитали его самостоятельным, упорным в достижении цели, но справедливым и храбрым.

Драчливым не был, но спуску обидчикам не давал, постоянно защищал младших задира. Поступил в реальное училище, но учился не спеша (оставался не раз на второй год). После реального поступил в коммерческое училище и вскоре по окончании был призван на действительную службу. Не без протекции отца – служил в Тоцких лагерях (30 км от Бузулука). Только начал работать после срочной службы, – война, 1914 год. Петр пошел добровольцем и вскоре в чине вольноопределяющегося был в действующей армии. В боях проявил отчаянную храбрость, вскоре получил солдатского «Георгия» и был произведен в прапорщики. За 3 года войны получил последовательно следующие три офицерских чина. Войну закончил штабс-капитаном, получил 5 ранений и 4 ордена: «Святого Станислава» 3 ст., «Святой Анны» 4 и 3 ст., офицерского «Святого Георгия» 4 ст.

К солдатам относился по-товарищески, заботливо и справедливо, они отвечали ему уважением и любовью. Характерно, что после февральской революции солдаты избрали его на более старшую командирскую должность (из комбатов в командиры полка). Бывший солдат Петра Федоровича – большевик Бредихин в 30-е годы стал директором лесного техникума в Бузулуке. Узнав, что Георгия Канунникова не пропустила мандатная комиссия, – вызвал его и узнав, что это сын Петра, сказал ему: «Знал я твоего отца, дай Бог, чтобы таких людей было побольше, будь похож на него» (из письма Геры 13.05.83). Вопрос с поступлением в техникум был решен.

Будучи на излечении после очередного ранения, полюбил сестру милосердия Анюту и женился на ней. В 1916 г. родился сын – Георгий. Последний год служил в Бузулуке воинским начальником, часто болел. В 1918 г. умер в Бузулуке в военном госпитале.

Хоронили Петра с большой pompой (Георгиевский кавалер). Я в детстве видел фотографии похорон (где, не помню). Толпа. Впереди гроба двое несут мундир с погонями и орденами, отдельно несут саблю «за храбрость». Вторая фотография на кладбище. Гроб стоял на земле, а за ним опять развернутый мундир и сабля. Людей много, виден оркестр в военном, солдаты в погонах и с оружием. Судя по оформлению, похороны были в период пребывания в городе белых.

Его вдова Анна Кузьминична учительствовала, была очень веселая, компанейская, активистка. В конце 20-х годов назначена директором школы. Помню, маленьким я бывал на спектаклях и утренниках, которые устраивала в своей школе тетя Нюра, причем сама всегда была в центре событий.

Жила она при школе в бывшей директорской квартире. В этой же квартире жила сторожиха школы Анастасия Веденяпина (*в оригинале здесь и далее написание через «и»: «Веденияпины» – Ред.*) с четырьмя детьми (Николай, Михаил, Сергей и Валентина). Николай был взрослый и работал в школе, что-то вроде завхоза и сторожа. Сергей был одноклассником с Георгием. Конечно же, тетя Нюра в школе была очень занята, поэтому Настя Веденяпина была и экономкой, и няней для маленького Геры. Жили фактически одной семьей. Именно поэтому считается, что Веденяпины наши родственники.

В начале 30-х годов тетя Нюра вторично вышла замуж за адвоката Герасимова Льва, и у них родилась сводная сестра Геры – Рита. К этому времени Георгий и Сергей Веденяпин поступили в лесной техникум в Бузулуке.

Валентина Веденяпина закончила школу и языковой институт. В 1947 году, когда мы случайно встретились с Сергеем в Москве, она работала в МИДе в чине атташе французской

прессы. Сергей служил в Германии в группе войск, был начальником связи танковой бригады – старший лейтенант. Мы с ним поехали вместе в Бузулук, куда я отвозил маму к бабушке. В Бузулуке в то время жил Георгий с женой Машей и детьми Таней (1942) и Сашкой (1946). Георгий работал преподавателем в мелиоративном техникуме, жили очень бедно. Виделись мы один раз.

В 1950 г. Сергей был арестован «за связь с английской шпионкой», разжалован и получил 5 лет лагерей в Коми АССР. После отбытия срока остался, стал директором леспромхоза, женился на землячке, у него трое сыновей. В 1975 г. вышел на пенсию и переехал в Бузулук, где построил кооперативную квартиру и благоденствовал, помогал маме. Когда в 1982 мама умерла – активно помогал в похоронах и позже занимался продажей наследственной хибарки (я получил 1 т., остальное он).

Характерно, что после ареста Сергея его сестру Анну изгнали из партии и МИД. На пенсию она вышла с должности машинистки какого-то учреждения в Москве, связи не имел.

Николай Веденяпин погиб во время войны. Михаил штурмовал Кенигсберг, после войны жил в Новороссийске. Связи с ним не имел.

Михаил Федорович

Родился в Симбирске, вслед за Петром, в 1892 году. После окончания реального училища поступил в Самарское Пехотное училище и закончил его полный курс еще до войны 1914 г. Всю войну прослужил в различных штабах на адъютантских должностях.

В 1915 г. женился на сестре милосердия Софье Васильевне.

После революции оказался в Бузулуке, откуда был вместе с братьями мобилизован при отступлении белых.

После гражданской войны жил в Бузулуке. Соня была фельдшерницей в горбольнице и имела при больнице квартиру. В 1921 г. (голод в Поволжье) переехали в Чарджоу, в 1923 г. родился сын Евгений. В Чарджоу работал счетоводом, Соня в больнице. В 1930 г. арестован и осужден по 58.10 на 5 лет. Сослан на Соловецкие острова.

Отсидел без «добавки». Перед войной жили в Белебее, потом в Уфе.

В 1941 г. Евгений поступил в танковое училище и закончил его ускоренный курс. Выпущен в 1942 г. лейтенантом.

В 1944 был тяжело ранен в обе ноги и обгорел. Лежал в госпитале в предместье Варшавы. Во время налета немецкой авиации – погиб.

Михаил Федорович был призван в конце войны, несмотря на возраст, – рядовым. Вскоре демобилизован по болезни. Умер в Уфе в 1944 г.

Его жена Софья Васильевна умерла в Уфе. Она навещала моего отца в эвакогоспитале и участвовала в его похоронах, о чем известила маму.

Константин Федорович

Родился в 1896 г., был баловнем и любимчиком матери. Федор Васильевич относился ко всем детям ровно, разве что дочек баловал, это понятно – им предшествовали сыновья.

Мальчиком проявил способности к музыке. Хорошо играл на скрипке, занимался с учителем.

Учился хорошо, был отдан в гимназию в отличие от братьев, учившихся в реальном училище. Мечтал, как и планировалось в семье, поступить в консерваторию. Хорошо знал французский язык. С началом мировой войны на общей волне патриотизма – поступил в привилегированное Чугуевское юнкерское училище, выпущен досрочно прапорщиком.

Как братья (Петр, Михаил, Федор и Константин) собрались в Бузулуке после революции, мне не ясно, но собрались.

Все были мобилизованы, кроме Петра, который служил в Бузулуке, и пошли в отступление с Колчаком.

Далее известно, что в 1920 г. Константин был арестован как бывший белый офицер. Сидел в Семипалатинске. Якобы в 1921 (1922) во время чистки снега простудился и умер от воспаления легких.

Слышал я очень мельком и другой вариант его кончины, но в это же самое время.

Федор Федорович

Мой отец родился в 1894 году *<здесь в рукописи варианты: 1897, 1896>*, был третьим в компании сыновей.

В реальном училище учился средне, бывали и двойки, но на второй год не оставался. В детстве увлекался живописью, особенно графикой, наполняя альбомы сестер и их подруг красивыми виньетками и набросками. Был он доморощенным поэтом – писал стихи по всякому поводу домашним, сослуживцам и знакомым с детства и до конца дней, почти ничего не сохранилось.

После реального, с его слов, подавал прошение на Высочайшее имя с ходатайством о поступлении в Морской корпус, но получил отказ.

Поступил в Казанский Университет на медицинский факультет. После 3-го (1-го?) курса группу студентов направили в школу прапорщиков, которую они закончили в 1915 г. (Я видел фотографию с надписью «группа студентов Казанского университета, выпущенных прапорщиками»).

Был назначен командиром маршевой роты. В Бузулукском уезде набиралась рота новобранцев, ускоренно обучалась и направлялась на фронт. Так, как я помню из упоминаний в разное время, было сделано несколько рейсов.

После февральской революции солдаты на митинге похвалили его за доброту, заботу и хорошее к ним отношение. Голосованием он был избран командиром роты.

Был во время германской войны 1914 г. у отца денщик Юров из села Елшанка Бузулукского уезда. Я помню отдельные эпизоды очень раннего детства, что-то лет с 2-х, и вот с того самого времени помню, что Юров очень часто, видимо, всякий раз будучи в городе, – приезжал к нам на Пролетарскую улицу. Приезжал на телеге или в санях-розвальнях. Сперва на одной лошади, позже на двух. Заезжал во двор. Я, конечно, мешался под ногами с момента открытия ворот до кормления лошадей.

Юров обязательно привозил деревенские гостинцы. К отцу и всем членам семьи относился очень хорошо, отца звал Федор Федорович, а иногда, особенно выпив, переходил на «ваше благородие», помню, что отец возражал.

Юров приезжал с очень нужными тогда гостинцами и после ареста отца, уже на Оренбургскую улицу, но потом пропал, узнали, что он сослан. Помню, у него была большая семья, дети моего возраста, братья и старики. Мы раза 3–4 ездили в Елшанку с ночевкой летом на сеновале, зимой в избе на русской печке. Всякая поездка сопровождалась обильной едой и массой впечатлений – казалась мне праздником. Помню, несколько раз Юров привозил троих своих детей к нам на елку.

После Октябрьской революции все братья оказались в Бузулуке в родительском доме. Петр и Михаил были уже женаты. У Петра был сын Георгий.

Далее провал до 1919 г., когда Федор оказался на Волге в кадрах Красной армии на должности командира дезинфекционного отряда. Именно в этом году он венчался с моей матерью Елизаветой Васильевной (*урожд. Самойловой – М. К.*), вдовой поручика Дзевяцень (от которого у нее была дочь Нина 1915 г. рождения, к этому времени поручик погиб на фронте).

В 1921 г. оказались в Бузулуке на попечении моей бабушки Агриппины Павловны.

Моя мама работала переводчицей в американской миссии квакеров, которая имела ряд пунктов в городах и селах Поволжья по борьбе с эпидемией и голодом. Отец работал в санитарно-бактериологической лаборатории миссии лаборантом. В 1924 г. родился сын, названный при рождении Юрием, а при крещении Егорием (Георгием). (См. очерк «Детство»). Жили в доме по ул. Пролетарская, 75 (бывшая Льва Троцкого), а до того Луговая (*Ошибка памяти? Ниже в гл. «Детство» сказано «Степная». – Ред.*). Дом принадлежал бабушке, она купила

его у помещика Тарасова. Мама не работала, отец был лаборантом в городской клинической лаборатории.

В 1926 (7?) году отец призывался на военные сборы в Тоцкие лагеря, был командиром роты. Приезжал из лагерей в военной форме и привозил необычайно вкусный черный хлеб в круглых темно-коричневых каравах.

В 1928 г. учился на курсах повышения квалификации в г. Пензе.

В 1929 г. (отец был на учебе) бабушка сдала 2 комнаты администрации совхоза «Средневожская Коммуна», который был только что организован на месте пригородных раскулаченных деревень и сел.

Совхоз оснащался американскими тракторами фирм *Катерпиллер* (прообраз нашего «ЧТЗ») и *Калитрак* (прообраз нашего «СТЗ НАТИ»). Фирма прислала инструкторов. В округе были и другие совхозы, и инструкторов было четверо, по одному в совхоз.

В наш дом поселили одного из них, мистера Джеймса Харрингтона (позже к нему приехала жена Вильма, через полгода уехавшая обратно в Америку, а вскоре уехал и Харрингтон). *(В оригинале везде с одним «р», исправлено М. К.)*

Харрингтон имел машину-пикап «Форд» и переводчика для работы. Дома переводила мама.

После поселения американца, еще до приезда Вильмы, в дом провели электричество. До этого освещение было ламповое. В большой комнате, сданной американцу, висела в центре большая керосиновая лампа «Молния» с матовым стеклянным абажуром и перламутрового цвета баллоном для керосина. Я еще помню, как эту люстролампу иногда зажигали, например, когда делали елку или в другие праздники. Так вот, я видел, стоя рядом с разинутым ртом, как Джеймс, как все его звали, искусно вымыл лампу бензином и вставил электропатрон вместо ламповой горелки и стекла. Бывшая лампа стала электролюстрой.

Летом с курсов вернулся отец, сразу же получил неиспользованный отпуск и увлекся машинами Харрингтона. Изучил мотор и устройство пикапа, научился водить машину и стал ездить с Харрингтоном на работу в совхоз, где тот руководил получением, сборкой и обкаткой тракторов. Одновременно он вел курсы трактористов через переводчика. Отец закончил эти курсы и получил права тракториста, а заодно и шоферские права, чем страшно гордился. Более того, отец участвовал в итоговых соревнованиях трактористов по вождению, осенью 1930 г., причем занял 3-е место и получил грамоту.

В 1930 г. отец учился в мединституте в Ташкенте, жил у своих на Ал-Мазаре в доме родителей. К этому времени американцы уже уехали, на их месте жил какой-то ответственный работник из совхоза, который (как я сам видел) под подушку прятал наган.

Перед отъездом отца на учебу мама устроилась на работу в контору совхоза «Коминтерн» – счетоводом. Контора помещалась в пригородной деревне, целиком раскулаченной. Я жил с мамой в деревне, где 1.09.30 пошел в школу, т. к. пошли соседские дети. После окончания первой четверти, уже лежал снег, маму перевели в городскую контору, мы возвратились в город, но в школу меня не отдали.

Летом 1932 г. возвратился отец с учебы, вскоре его арестовали. (См. «Арест отца и Темлаг»).

Судили отца в Самаре, дали 3 года лагерей по ст. 58.10. В то время по ст. 58.10 еще давали и 3, и 5 лет, об этом пишут и А. Солженицын, и В. Шаламов; позже по этой статье давалось 10 и более, а тех, кто в свое время «недосидел», – брали по следующему разу.

Отец попал в Темлаг. Лагерь располагался в сосновых лесах Мордовии. От станции Потьма отходила железнодорожная ветка, как помню, на 57 км. Вдоль ветки располагались лесозаготовительные лагпункты (в разное время количество их было различно, в середине 30-х годов их было – 21). На полустанке Барашево размещался лазаретный лагпункт. Он был «оснащен» значительно слабее обычных, не говоря уже о штрафных, но имел изгородь из колю-

чей проволоки в 2 кола, контрольную полосу, вышки по углам и в промежутках и освещение вдоль изгороди, причем в качестве светильников применялись керосинокалильные лампы под названием *Аида* («*Aida*» – старая немецкая фирма по производству бензиновых и керосиновых ламп. – Ред.). В изгороди было 2 КПП, основной и хозяйственный, первый со стороны железной дороги, второй в сторону леса.

Около года отец провел на лесоповале лесорубом, постепенно доходил и в конце концов заболел пеллагрой, с чем и был переправлен в лазарет уже лежащим.

Помог случай. Начальником лазарета был военврач 2 ранга Варшавский Абрам Соломонович, который учился вместе с отцом на медицинском факультете в Казани.

Дело смелости и высокой чести – то, что он узнал отца, а узнавши, помог. Всем на удивление лежащий пеллагрик встал и был оставлен в лазарете санитаром. Заключение имели право писать одно письмо в месяц, при условии выполнения плана в кубках. На каждое письмо выдавался талон красного цвета. Если в письме талона не было, то его в цензуре выбрасывали. Талон в цензуре вынимали (он шел по новому кругу), но иногда талон уходил с письмом. Письма от отца приходили до лазарета не каждый месяц. Из лазарета даже чаще.

Весной 1934 г. проштрафился и был переведен в лесорубы врач-лаборант лазарета. Варшавский устроил на эту должность отца. Лаборатория размещалась в отдельном бараке в трех комнатах, была еще техничка и каморка, в которой разрешили жить отцу.

Летом 1934 г. по ходатайству Варшавского отцу разрешили свидание с семьей на 5 суток. Мы с мамой поехали на свидание.

На третий день свидания мне случайно обварили ноги, и мы с мамой задержались более чем на месяц.

В 1935 г. срок заключения кончился, но отца не отпустили, а оставили «сотрудником НКВД», как значилось в удостоверении, выданном вместо паспорта.

Он оставался на прежней должности «вольнонаемным». На лето 1935 г. мы с мамой поехали вторично в Барашево и прожили опять почти все лето, на что начальство смотрело сквозь пальцы.

Для таких «сотрудников НКВД» из «зеков» был почти правилом перевод по любому поводу или без видимого повода обратно в «зеки» с новым сроком.

Теперь я понимаю, что при малейшей возможности отец уехал в отпуск и не возвратился, хотя это и обрекало на фактически нелегальное существование.

Возвратился отец в конце 1935 г. в другой дом. Прежний дом бабушка продала сразу же после ареста отца, т. к. мама бросила работу и жила в Самаре до осуждения и отправки отца. Суда фактически не было, как следует из реабилитационной справки.

Бабушка купила избу по ул. Оренбургской, 94, старую и маленькую (одна комната с двумя выгородками без дверей и кухня с русской печкой). Двор голый, в углу двора два сарая под общей крышей (погреб и дровяник).

Официально отец приехал в отпуск, а фактически сбежал. Явился в военной форме, но без знаков различия. В лагерь он не возвратился и устроился работать в кумысолечебницу «Степной маяк» в районе села Новосергиевка. Я с бабушкой Агриппиной ездил к нему.

Здесь для меня темный период. Ни причин, ни следствий я не знаю, но факт, что отец в начале 1936 г. исчез.

Я учился в школе № 3 (бывшая женская гимназия), причем некоторые учителя были еще учителями моих родителей. Был отличником, активным пионером, занимался моделизмом в кружке при дворце пионеров, – жил своей мальчишечьей жизнью, а от отца приходили письма из разных городов: из Москвы и Ростова-на-Дону, из Нальчика и Минеральных Вод, из Ташкента и Ессентуков, наконец в 1937 году из Геленджика, где жила с семьей его старшая сестра Серафима Федоровна, по мужу Барашкина.

Лето 1937 г. я провел в Артеке (см. «Артек»). На лето 1938 г. мы с мамой поехали в Геленджик. Не знаю, как было условлено, но ехали мы именно на лето с одним чемоданом вещей и велосипедом в багаже. Провели лето и остались насовсем.

Сперва чисто курортная жизнь в пустой комнате без вещей и книг сменилась какой-то полустационарной, когда обед берется из столовой, но комнат, кое-как обставленных, уже не одна, а две, и вещи самые необходимые уже есть, но нет чувства солидного старого дома, уюта. Чувство дома, стабильности у меня так и не появилось до самой войны.

Отец работал зав. городской санитарно-бактериологической лабораторией, работал сезонно и в санатории УДОС. С энтузиазмом участвовал в любительских спектаклях (на комических ролях) в клубе «Медсантруд». Сошлись с семьей Парноха Константина Рафаиловича – заведующего туберкулезным пунктом города. Бывали у родственников, Барашкиных (тетя Сима, дядя Вася, их сын Виталий. До войны – старые Барашкины). В 1939 году летом ездили в Крым. В Севастополь (на два дня) и Феодосию (на неделю), там в клинике лечилась мама.

В 1940 г. на зимних каникулах ездили в Ростов-на-Дону, где жили в семье Василия Федоровича (он, Нина Дмитриевна, Галя, Игорь) с неделю.

О начале войны мы в семье узнали из выступления Молотова по радио, слушали по трансляции, сидя на кухне в доме Устабасиди по Кирова. Отец сказал – «это страшно и надолго».

На другой день пошли мы с ним в военкомат, там уже толпился народ.

Вышел к нам начальник 3-го отдела Новичков Иван Иванович. Мне сказал «рано, гуляй, вызовем», а с отцом о чем-то говорил наедине.

Теперь мне ясно, о чем был разговор. У отца не было военного билета, т. е. он не был на воинском учете после лагерей.

В октябре 1941 г. меня призвали повесткой, буквально с урока в школе. Когда на другой день я явился в военкомат «с вещами», узнал, что в составе группы ребят 1923 г. рождения направляюсь в Астраханское пехотное училище. Документы выдали одному старшему группы из 8–10 человек, и команду отправили в Новороссийск.

Возвратился я в ноябре перед праздниками. Отец 17.10.41 был направлен на военную службу в отдел медсануправления Приморской армии на Михайловский перевал.

Очень характерно. Согласно справке, присланной среди немногих документов после его смерти, – паспорт был выдан в Геленджике 8.12.37. Очень похоже, что с момента своего «побега» из Темлага он паспорта не имел, этим и объясняются его скитания из города в город.

Военный билет выдан 17.10.41, т. е. в день призыва. В билете было написано – командир запаса, без звания. Будучи уже на военной службе, отец так и ходил «без звания» (а это значит, на минимальном окладе и аттестате для матери).

Звание, сперва мл. лейтенант, потом лейтенант мед. службы, было присвоено уже в конце 1942 г.

С конца 1941 по лето 1942 г. он служил в медсанбате ПП № 52447 Г, с лета 1942 по лето 1943 старшим лаборантом 116 патолого-анатомической лаборатории при армейском госпитале 56 армии.

31.08.43 за безукоризненное выполнение своих обязанностей под обстрелом, проявленное мужество награжден именовым оружием – пистолетом ТТ 1939 № 698.

С лета 1943 по 1.01.44 был заведующим лабораторией Армейского госпиталя легкораненных той же армии.

С 4.05.44 по 6.01.45 гг. – нач. лаборатории Эвакогоспиталя № 3196. 28.09.1944 г. награжден медалью «За оборону Кавказа».

В феврале 1945 г. уже в Польше при невыясненных обстоятельствах был ранен и попал сперва в медсанбат, затем в эвакогоспиталь.

В составе сортировочного эвакогоспиталя № 3127 был эвакуирован в г. Уфу. В Уфе жила вдова брата Михаила Софья, которая посещала отца несколько раз, о чем известила мою маму.

18.03.1945 Федор Федорович умер. В медицинском заключении сказано «от брюшного тифа» (при вскрытии нашли бруцеллез и цирроз печени).

Похоронен в гробу, в индивидуальной могиле в госпитальной части Саргаевского кладбища в Уфе. На могиле поставлен обелиск с именем и сделана деревянная ограда (из 500 р., оставленных Софье, о чем она написала маме).

Оглядываясь назад, могу с уверенностью сказать, что отец не был счастлив в своей семье. К своим родственникам очень тяготел, конечно же, под влиянием воспитания и ощущений безоблачного детства и юности.

С моей матерью познакомился в юности в годы учения, была определенная компания гимназисток и реалистов. Сужу по впечатлениям детства и воспоминаниям близких знакомых. Затем была вой на и революции, после чего родители встретились вне своих семей и заключили союз.

Строго говоря, отец пошел в примачи в чужую семью, где верховодила бабушка Агриппина – всем владела и всеми управляла.

К моменту моего рождения других детей бабушки уже не было. Старший сын Василий пропал без вести в 1918 году, средняя дочь Татьяна умерла от тифа в 1921 г.

Бабушка зятем была недовольна. Часто попрекала низким заработком, леностью, неспособностью хорошо обеспечить семью. Отпускала замечания нелестного характера в адрес родственников отца. В частности, именно от бабушки я, будучи еще ребенком, слышал фразу: – «Канунниковы примазались к Самарскому знамени...»

Допускала такие выражения, как «лапотники» и «голодранцы», особо ее возмущало дворянство, полученное Федором Васильевичем. Сама же гордилась своим купеческим происхождением (ее отец Павел Маслов был в Бугуруслане купцом первой гильдии). Ее оба мужа также были торгового сословия, жили состоятельно и обеспеченно. Ее дети Василий, Татьяна и Елизавета учились в гимназии не на казенный счет, это характерный факт.

Подобная атмосфера отца угнетала, и он скорее избегал семьи, чем стремился в нее. Пожалуй, этим следует объяснить его склонность к рыбалке и к театральной самодеятельности во все времена.

По натуре же человек он был добродушный, с хорошим чувством юмора, более того, имел дар веселить окружающих, был, как говорят, «душой компании», однако не был скоморохом. Чувство меры ему не изменяло.

К работе относился увлеченно и добросовестно. За что, как правило, руководство отмечало его многочисленными грамотами, адресами и положительными отзывами. Товарищи ценили его уживчивый и веселый нрав, честность и надежность.

Фактически спокойно, без тревожений и тяжелой нужды мы как семья прожили всего 3 года, лето 38 – лето 41, в Геленджике, «на курорте» (форменным образом). Все были в то время тем, чем были, без агрессивного деспотизма бабушки и уже без постоянно нависающего страха. Хотя страх в душе оставался, но окружающая доброжелательная обстановка этот страх постоянно не возобновляла.

Жаль, не встретились мы с отцом в Симферополе (разъехались буквально на несколько часов), когда я явился в штаб флота за назначением после училища.

Василий Федорович

Родился в Бузулуке 8 марта 1906 года. Поступил по семейной традиции в реальное училище, в год начала германской войны. В смутное время гражданской войны был перерыв в учебе, продолжил в трудовой школе в 1920 г.

Продолжил учебу в Ташкенте в 1921 г. в 5 классе, после 9-го класса поступил на рабфак, и по окончании его в Ленинградский Политехнический институт. Закончил институт в 1931 г. и был назначен в Самарканд. В 1932 г. женился, в 1934 г. (28 апреля) родилась дочь Галина.

В 1937 г. жили в Ростове-на-Дону. В 1938 г. родился сын Игорь.

В 1940 г. я с отцом был в Ростове в гостях. Квартира была отдельная, хорошая, с редкими тогда удобствами. Запомнился мне редчайший в те времена вполне современный супергетеродинный всеволновый приемник «СИ-235». Тогда мы довольствовались трансляцией со знаменитой черной тарелки репродуктора «Рекорд». Приемник был сетевой с встроенными динамиками и красивой светящейся разноцветной шкалой.

Дядя Вася был в моих воспоминаниях плотный круглолицый мужчина среднего роста, очень приветливый и добродушный, таким я его запомнил, т. к. позже уже не видел.

В начале войны, примерно в декабре 1941 г., он был призван, но не командиром или инженером, а рядовым. По тем временам факт удивительный, т. к. людей с образованием было мало и диплом автоматически давал «шпалу», а техникум «кубарь».

В 1943 г. отец прислал мне его адрес в Танхой, где наше училище им. ЛКСМУ было в эвакуации. Мы с дядей Василием обменялись несколькими «треугольничками». Он мне прислал свою фотографию с курсантскими погонами и с орденом Боевого Красного Знамени. Для рядового награда чрезвычайно редкая и даваемая далеко не за обычное отличие.

О дальнейшей его военной службе я не знаю, он демобилизовался после окончания войны. Возвратился в Ростов-на-Дону, но в 1947 году переехал в Днепропетровск. В начале 50-х годов работал заместителем директора текстильной базы.

Умер в июле 1954 года, 48 лет от роду.

Георгий Петрович

Родился в 1915 (16) году. Детство провел в Бузулуке, рос фактически без отца (с 1918 г.). В конце 20-х годов появился отчим Лев Герасимов.

В школу пошел в 1924 г., учился у своей мамы Анны, которая стала директором той же школы. С детства занимался физкультурой. Окончив семилетку, поступил в Бузулукский лесной техникум (1931). Часто выступал на соревнованиях по гимнастике и лыжам, занимал призовые места. Играл в волейбол и баскетбол (я много раз бывал на соревнованиях и видел, как Гера, как его звали в семье, выступал, часто с Сергеем Веденяпиным, с которым вместе учились в техникуме).

1935 – окончил техникум. Работал в лесничестве в Колтубанке.

1936 – поступил в Московский институт нархозучета им. Плеханова.

1938 – женился на Асе, землячке и сокурнице.

1939 – добровольцем участвовал в составе студенческого лыжного отряда в Финской войне. Награжден медалью «За боевые заслуги».

1940 – продолжил учебу. На каникулах (зимних) я был в Москве. Виделся с Герой в институте и общежитии, где они с Асей занимали маленькую комнату. Гера рассказывал, что подрабатывает художником-оформителем технических книг в каком-то издательстве.

1941 (25.06) – Последний экзамен в институте. Добровольцем вступает в РККА. Определен сержантом, ком. отделения автоматчиков.

1941 (10.07) – первый бой под Пороховом.

Конец 1941 г. – произведен в лейтенанты, назначен в артиллерию.

1943 г. – Я получил адрес ПП Геры, будучи в Танхое, начали переписку. Гвардеец.

1943 – Был в отпуске, развод с Асей.

1944 – Командир батареи 150-мм гаубиц. Ранен. После госпиталя в Сочи назначен в Грузию, город Телави. Женился на вдове Марии.

1946 – Демобилизован в звании старший лейтенант. За войну награжден орденами «Красной Звезды» и «Отечественной войны» II ст. (позже получил «Отечественную войну» I ст.).

1946 – Работал в Бузулуке преподавателем в техникуме.

1947 – Встреча в Бузулуке. Татьяна, Александр (*дети – М. К.*).

60-е годы – работал экономистом на строительстве Тахтакульской ГРЭС. Бывал в командировках в Ташкенте, заходил к Виктору на Ал-Мазар и к Нине.

1968 – Был на свадьбе у Виктора младшего. Переезд в Кара-Куль Ошской области. Работа зав. вечерним филиалом строительного техникума. Постройка дома (ул. Энергетиков, 17).

1976 – выход на пенсию. Работа в школе Гражданской обороны. Активная работа в обществе ветеранов ВОВ.

1984 – Операция, потеря ноги.

1987–89 – Болел.

19 мая 1989 умер.

(Существуют воспоминания дяди Геры, которые тоже по возможности будут опубликованы. – М. К.).

Детство

Из раннего детства я помню довольно много. Жили мы в Бузулуке на улице Пролетарской, 75. Однако я еще в то время знал, что улица раньше называлась Льва Троцкого, а еще раньше – Степная. Последнее название говорило о том, что в свое время улица была последней в городе, а дальше был уже выгон.

Дом моего раннего детства принадлежал бабушке Агриппине. Она его купила у бывшего помещика Тарасова в 1920 году.

Мне казалось, что дом был большой, на самом деле это был добротный дом на одну семью, сруб из бревен стоял на каменном фундаменте. Дом был облицован досками и когда-то окрашен в синий цвет. Краска полиняла, но в целом дом облезлым не казался. Крыша была железная, красного цвета. Помню, как ее красили. Рабочие ходили по крыше, и она грохотала.

На улицу было 4 окна, которые закрывались ставнями. Взрослый человек с земли доставал до низа ставней.

Если смотреть на фасад дома с улицы, то справа было крыльцо с двухстворчатой дверью на террасу. С обеих сторон крыльца были закрытые скамейки. Крыльцо покрыто двухскатным козырьком. Железная крыша козырька на краю имела кружевной орнамент из кровельной жести. За крыльцом были двухстворчатые ворота, в одной из створок ворот – калитка.

План дома и двора я помню отчетливо и привожу. Моя кровать (деревянная с загородами, которые были мне по грудь, когда я стоял в кровати) была выкрашена в голубой цвет и стояла в проходной комнате, напротив большой тахты.

Моя сестра Нина была старше меня на 8 лет, и ранние детские воспоминания связаны больше всего с ней. Вспоминаю проблесками сестру в гимназической форме (хотя в то время форма еще не была узаконена в школах), то с ранцем, то с нотной папкой (сестра училась, хотя пианино в доме не было). Помню, что я часто изображал куклу, и сестра с подружками меня вечно наряжали. Цветных лоскутков и тряпочек было много. Позже я сам играл с девочками в куклы, а еще позже, но еще до школы, соседские мальчишки дразнили меня «куклятником» и «цаплей» (из-за худобы и нескладности).

В доме была кошка Мурка, вечно с котятами, и собака, конечно же Жучка (черная с рыжими пятнами, с фигурой низкорослого сеттера). Жучка жила в конуре у крыльца на террасу со стороны двора.

Во дворе у ворот был погреб-ледник с дровяным сараем. Двор делился пополам длинным сараем, который назывался «каретник». За сараем был «огород», а ближе к дому «сад». Огород не возделывался и весь зарос кустами лебеды, крапивы и татарника.

В саду было несколько деревьев – яблони, слива, сирень, кусты крыжовника и малины. Достопримечательностью сада было большое дерево привитой ранетки, причем на одном стволе плоды были желтые, крупные и сладкие, а на другом – мельче, с красным боком и кислинкой. Под ранетом стоял летний стол и скамья. Летом нередко под деревом устраивались вечерние чаепития, особенно когда приходили гости.

Электричество в доме появилось с поселением американцев, то есть в 1930 г. Я же помню керосиновые лампы разного размера. Самая маленькая называлась «семилинейная», а самая большая – «молния», кроме того были другие. Лампы стояли на кухне на специальной полке в углу. Полка всегда пахла керосином.

План дома и двора по ул. Пролетарской

В кухне была большая русская печка, но ее топили не каждый день, а дня через три или реже. Печь топилась обязательно, когда была стирка и перед всякими праздниками. Для повседневных надобностей применялись два примуса. Помню, что бабушка вечно воевала с примусом, а он то не горит, то пламя идет вбок.

Позже, уже в другом доме, я освоил примус. Делал сам прочищалки из струн, а позже даже сам разбирал насос, отвинчивал и чистил горелку.

Зимой наваливало массу снега. Помню, как-то с утра невозможно было открыть ни дверь из тамбура на веранду, ни калитку. Отец прочистил ход до калитки, перелез через ворота и очистил калитку и дверь на веранду с улицы. Вообще чистка снега (тротуара и во дворе ходы к сараям и уборной) была занятием постоянным. Я с самого раннего детства «участвовал» в этом мероприятии, для чего имел маленькую лопатку.

Помню, у нас – детей были деревянные салазки, одна пара лыж и один конек «снегурочка», из – за которого был вечный спор с сестрой. Конек привязывался к валенку сыромятным ремнем. Позже сестре купили пару коньков «нурмес» с креплением на ботинки, и она даже ходила на каток. Считалось, что именно на катке она простудилась до воспаления легких, которое перешло в скоротечный туберкулез. Нина умерла в начале 1929 г. На ее «нурмесах» (уже на валенках) я ездил до четвертого класса, когда мне купила мать «дутьши» под названием «чемпион-хоккей», причем на них я ездил, тоже на валенках, и на катке ГПУ, и за автомашинами на крючке.

Кататься на лыжах и санках ходили на Домашку, речушку в двух кварталах в конце улицы, которая пологой горкой спускалась к обрывистым берегам Домашки. Выбор крутизны склонов был довольно большой и постепенно осваивался по мере взросления.

Во дворе из первого снега обязательно делали снеговиков и «крепости», между которыми устраивались сражения снежками, если позволял снег.

К весне обязательным делом было набивание ледника, куда на салазках свозился снег со всего двора и даже сугробы с улицы.

В бабки играли почему-то только весной, когда сходил снег у стен. Бабки, или как мы чаще называли, *козны*, – это косточки овец. Большие (с палец) – назывались *панки*, маленькие (вполовину меньше) – собственно бабки или козобульки. В то время бабки стоили 0,5 копейки штука («на копейку – пара»).

Нижний конец и панков, и бабок имел костный шов. От высыхания и ударов нижняя часть иногда отделялась, – это был *хрулёк*, который в игру принимался, но стоил вполтину дешевле.

Игра в козны сводилась к выстраиванию их в ряд или в каре. Игроки с обусловленного расстояния старались попасть битком в ряд бабок (или в каре). Сбитые – считались выигранными, то есть забирались игроком. Ряд бабок (или каре) называли коном. Все играющие выставляли на кон одинаковое количество бабок (панок ценился в две бабки).

В качестве битка применялись особо крупные панки, иногда внутрь наливался свинец (панок-«налиток») для утяжеления. Иногда в качестве битка применялись «плитки» – плоский кусок черепицы или доньшко керамического чугуна.

Плитки использовали при игре на тротуаре, тогда плитка, упав перед коном, скользит или рикошетирует и сбивает бабки с кона.

В пределах квартала бабки переходили из рук в руки ребят по несколько раз.

Я был не особенно удачлив. Обычно проигрывал старшим, у младших, которых по соседству было меньше, выигрывал, но баланс был явно отрицательным.

В козны мы играли класса до четвертого, позже не помню, но это было уже на другой улице.

Когда снег сходил полностью, играли в *клёк*, *чижа* или *лапту* и *городки*.

Улица была широкая, покрытая травой. Движения фактически не было. Редко проезжал извозчик или телега. Появление автомобиля вызывало переполох, сбегались зеваки, и дети, и взрослые. Так что движение уличным играм не мешало.

Общий рисунок игр в клёк, чижа и лапту – похож. Во всех случаях играет две команды с равным количеством игроков. Число игроков в принципе не ограничено, но удобнее всего в команде иметь 4–6 игроков.

Клёк. Используется одна «чушка» и палки-биты, как в городках.

Так же чертится «кон» – в виде квадрата 1,5×1,5 метра – и отмеряется «черта» метрах в 10.

Одна команда «вадится», другая «бьет».

Клёк ставится вертикально на середине кромки кона, ближней к черте.

Игроки по очереди бросают биты с целью сбить клёк.

Пока клёк не на своем месте, игрок, бросавший биты, должен сбегать за ней и вернуться за черту. Это возможно, если клёк улетел далеко. За ним бежит вадящийся и ставит на место. Бегущий за битой может остановиться на кону, у биты и на кону по пути обратно.

Если клёк будет стоять на месте, когда бегущий за битой бежит, – то он «заклёкан» и начинает вадить без разговоров.

Однако так случается редко, т. к. «с первых рук» никто не рискует.

Другой разговор, если все, за исключением одного, игроки стоят у своих бит или на кону, тогда последний должен «выручать», т. е. обязательно сбить клёк и желательно подальше, тогда все возвращаются с битами за черту.

Если «последняя рука» промахнулась, то тот, кто вадится, сам идет к битам за коном и, начиная с дальней, бросает их в кон, стараясь сбить клёк. Если это удастся, то вадит тот, чьей битой удалось попасть в клёк.

Если вадящий промахнулся всеми битами, то вадит тот, кто стоит с битой на кону (если такого нет, то вадящий остается при клёке и круг повторяется).

Здесь есть вариант. Можно условиться, что когда все промахнутся, то вадящий не битами старается сбить клёк, а клёком попасть в лежащие за коном биты. Ясно, что если попасть, начиная с дальней, не удастся, то вадит стоящий с битой на кону, а если его нет, то вадит повторно.

Если игроков много и вадит команда, то все так же, но непосредственно вадящий бежит за сбитым клёком и, подняв его, бросает кому-то из своей команды, и если клёк будет пойман на лету, то поймавший ставит клёк на место. Тут «заклёкать» можно быстрее и игра усложняется.

Обычно выбирают и судью, т. к. иначе споров не избежишь – добежал или «заклёкан» в прыжке и т. п.

Чижик. Нужен простор, желательно луг. На улице, даже широкой, играть можно, мы и играли, но «размах» не тот.

Из инвентаря нужны: Чиж, палка длиной 25–30 см и толщиной в палец, желательно попрочнее, концы ножом закругляют. Подавалка (сейчас называют битой) – тоже палка, чуть толще, длиной 1,2–1,5 м. Конец м. б. плоско стесан.

На земле чертят или отмечают предметами кон – квадрат 2×2 или около того; «черта» – в 30–50 метрах от кона.

Играют две партии, лучше побольше в каждой, до 8–10 человек. Подающая партия в районе «кона», вадящаяся расходится в разные стороны за «чертой».

Общая задача – подающие поочередно выбивают из пределов кона битой чижа – подальше. Каждый имеет «одну руку», т. е. бить может один раз, при неудачном ударе или промахе «рука» теряется.

Каждый может восстановить «руку», для чего следует сбегать до «черты» и обратно за «кон» во время, пока чиж находится вне кона, т. е. летит после удара или лежит на земле до тех пор, пока игрок противной стороны не поймает чижа или не подберет его с земли в руку. В этот момент бегающие «столбенеют», т. е. останавливаются где застигнуты на месте до следующего полета чижа.

Вадящиеся должны возможно быстро вернуть чижа в кон, тем ограничить время для восстановления «рук».

Удачнее всего чижа поймать (тогда разрешается бросить чижа в «кон» от «черты» или *быстро* подобрать с земли, но тогда бросать «чижа» в «кон» следует с места.

Если «чиж» оказывается в пределах «кона», – партии меняются местами.

Деталь. Если «чиж» пойман и бросается в «кон» с «черты», то очередной игрок быющей стороны и имеющий «руку», – может «чижа» битой отбивать, с целью не допустить попадания «чижа» в «кон». Если бросают с места, отбивать нельзя; то же, если нет «руки».

Способов подачи «чижа» несколько.

Простейший «с камня». Чиж кладется на камень так, чтобы конец выступал в сторону «черты». Игрок бьет по концу чижа битой (подавалкой). Чиж, крутясь, летит в сторону черты, обычно низко и недалеко.

Второй способ «с земли из ямки». Чиж кладется на небольшую ямку в пределах кона. Игрок подсовывает конец (плоский) биты в ямку под чижа, подбрасывает его в воздух и бьет на лету.

«С земли накатом» (самый сложный и ценимый способ). Чиж кладется в пределах кона на ровное место. Игрок плоским концом биты накатывает чижа на биту, подбрасывает вверх и бьет по чижу в воздухе влет.

Подача подбросом. Второй игрок подбрасывает чижа вверх в сторону подающего, а последний бьет чижа влет, причем оба игрока находятся в границах кона.

Могут использоваться все способы подачи в зависимости от мастерства, можно обусловить одну.

Очевидно, как и в клёке, подающая команда устанавливает очередность по возрастающей мастерства. Последним подает самый надежный игрок («выручалка»), причем может оказаться, что он остался один, а остальные либо за чертой, либо стоят «застолбленные».

Перед началом игры обуславливают отдельные правила и ограничения, например, способ подачи, без отбоя чижа из кона, или наоборот – отбой разрешен во всех случаях.

Размеры кона и удаление черты тоже зависят от уровня игроков. При игре в чижа фигура судьи тоже не лишняя, т. к. следить есть за чем.

Лапта (сейчас иногда говорят *Русская лапта*, а вообще-то из лапты и образовался заокеанский бейсбол, это уж точно).

Инвентарь. Мяч, можно теннисный или детский такого же размера. Вырезали мяч и из цельного куска резины, но это инструмент опасный, особенно в руках взрослых парней. Бита посolidнее, чем для чижа. Это скорее длинная дубина.

На лугу или другой просторной площадке размечается «кон» и «черта». Играют две одинаковых по числу участников команды.

Правила и тактика похожи на «чижа».

Играющие команды расходятся, одна в районе кона, другая за «чертой» рассредотачивается с расчетом контролировать все поле.

Подача по очереди, каждый игрок имеет одну «руку» (право на подачу), которая восстанавливается пробежкой от «кона» до «черты» и обратно. Бежать можно только когда мяч в воздухе или на земле, до того момента, когда он окажется в руках любого игрока противной стороны. В этот момент бегущие обязаны «столбенеть» (останавливаться).

Варианты. 1) Пойманный мяч бросается с «черты» в «кон», а очередной игрок подающей команды мяч старается отбить. Если это удастся, то это равноценно обычной подаче, и можно бежать. Если мяч попал в кон – команды меняются. 2) Пойманным мячом стремятся попасть в любого бегущего или «застолбленного» игрока (это зверская лапта, особенно если мячик «литой»). Можно увертываться от мяча, но если игрок получит попадание (будет «засален») – команды меняются местами.

Цель игры – вадить другую команду подольше, например, 2–3 круга, без смены.

Подача выполняется ударом биты влет по подброшенному вторым игроком мячу, причем оба в пределах кона.

Опять аналогия с чижом. Желательно, чтобы с подачи мяч летел высоко и далеко, но не в руки игрока противной команды. Длительный полет мяча обеспечивает время для пробежки игроков для восстановления «руки».

Поймать летящий мяч, особенно после хорошего удара, – трудно (можно «отсушить» ладони).

В бейсболе придумали рукавицы с ловушками, а также более сложную разметку поля, счет по очкам и некоторые усложняющие правила, но суть лапты осталась.

По-моему, игру в чижа (правила похожи на лапту) придумали из-за отсутствия мячей (мяч заменен палочкой, это доступно всем).

В детстве мы увлекались лаптой, причем команды были смешанные, девочки играли на равных, а некоторые были и удачливее, и били по мячу мастерски.

Играли и в городки (чаще называли «чушки»). Конечно, инвентарь был самодельный и играли на проезжей части улицы, а не на бетонированных площадках. Фигуры и правила были издавна такие же, как и сейчас.

Родные и знакомые

Я могу судить о знакомых, к которым брали меня и Нину. Это прежде всего Бекетовы, Александр Гаврилович и Клавдия Ивановна. У них был сын Иринарх, сверстник Георгия, т. е. старше меня лет на 8.

Интересна его судьба. После окончания семилетки и рабфака (иначе в институт попасть было трудно) он поступил в институт им. Лесгафта. В начале войны оказался на Северном флоте в составе экипажа подводной лодки К-1 Гаджиева. Погиб вместе с ним.

Клавдия Ивановна, которая была акушеркой и принимала мое появление на свет Божий, была старой приятельницей мамы. Она имела брата Степана Ивановича Спирина – учителя. Как я понял позже, он играл определенную роль в организации фронды учителей, в результате которой позже я попал в Артек.

Александр Гаврилович был человек удивительный и своеобразный. Мировая война застала его студентом медицинского факультета, и на германский фронт он попал фельдшером. После революции доучился и был в Бузулуке одним из почитаемых врачей-терапевтов. Похож он был на Дон-Кихота (на моей памяти бородку ликвидировал). Ходил прямо, обязательно с тростью, в длиннополых черных сюртуках при крахмальных воротничках и манжетах – летом и в долгополом, чуть не до земли пальто с большим каракулевым воротником и высокой каракулевой же папаше – зимой.

Дома он преображался в американского фермера, как их рисовали. Надевал ковбойку, комбинезон, шляпу с полями (иногда фартук с массой карманов) и становился тем, чему был отдан великий талант и неистовая страсть – агроном, зоотехник-экспериментатор.

Двор их дома на ул. Оренбургской был засажен до последнего сантиметра. Плодовые деревья лучших, в ряде случаев уникальных сортов. Все многократно привитые. То же с кустарниками малины (черной, белой, желтой), крыжовника с ягодами как у винограда, самого винограда разных сортов, роз и т. д. и т. п. Все дорожки были проложены камнем и обсажены самыми экзотическими цветами. Во дворе была маленькая теплица с отоплением и всяческими экзотами и всевозможными черенками, саженцами и рассадой. Все это успешно вырастало, плодоносило и находилось в непрерывном эксперименте. Александр Гаврилович состоял в переписке с известными садоводами, посылал сам и постоянно получал посылки и бандероли с семенами и саженцами. Щедро раздавал всяческие плоды своих трудов и экспериментов. Казалось бы, этого хобби – вполне достаточно! Но нет, во дворе был сарай и несколько клеток, вольер и выгородок со всяческой живностью. Это были какие-то необыкновенные куры (то только белые, то темно-коричневые, громадных размеров, которые несли яйца с коричневой скорлупой). Не менее особенные кролики (и пуховые, и мясные, и еще какие-то). Одно время появились нутрии, для которых был устроен пруд с соответствующей флорой.

Конечно же, при таком трудоемком хозяйстве и сам Александр Гаврилович, и члены его семьи были постоянно заняты.

Но всего этого мало: доктор Бекетов был страстный, умелый и удачливый рыболов, причем и здесь вся снасть и приспособления были самодельными, рациональными и наилучшего качества.

Я много раз участвовал с самых ранних лет в рыбалках и с ночевкой, и без ночевки, чаще всего с отцом и Бекетовыми, реже более представительной компанией, но тогда бывал дядя Саша Якунин (Клинаев).

Александр Петрович был старшим сыном родной сестры моей бабушки (см. родословную по женской линии). *(Работа по составлению этой родословной закончена не была. – М. К.)*

Воспоминания моего раннего детства неразрывно связаны с этой семьей, где мы бывали по праздникам (церковным и семейным) очень часто.

Припоминаю большой старый дом (8 или 10 комнат), большой двор с ледником, добротными сараями с чердаками, набитыми всяким интересным старьем, массу деревьев и кустов в саду и, главное, много приветливых и добрых людей.

Старейшей была «старенькая бабушка» Елена Маслова, мать бабушки моей Агриппины и Марфы, матери Александра, Владимира, Зинаиды, которые жили вместе. В других городах жили ее дети Антонина, Николай, Анна, Елизавета. Кроме того, был сын Федор, убитый в 1924 г. случайным выстрелом из охотничьего ружья сыном Александра от первой жены Марии, тоже Александром. Ему тогда было 10–11 лет.

Старенькая бабушка Елена жила в нашей семье до болезни Нины (т. е. до года 1927–28), а позже в доме своей дочери Марфы.

Визит к Якуниным обязательно начинался с комнаты старенькой бабушки. Мы с Ниной (а позже я один) здоровались и получали по леденцу из большой железной коробки. Бабушка Елена постоянно сидела или лежала в своей комнате. Затем мы шли за стол или во двор, где была масса интересного в любое время года.

Дядя Саша работал кассиром в банке. Это был большой, полный и очень добродушный человек. Любил рыбалку и нередко составлял компанию в рыболовных экспедициях моего отца. В тридцатых годах дядя Саша был арестован и бесследно исчез.

Дядя Володя был адвокатом, видимо, хорошим, т. к. я часто слышал о выигранных им судебных процессах. Он болел туберкулезом. В отличие от дяди Саши был худ. Ко мне относился очень тепло, любил детей. Почти ежегодно уезжал с женой Евгенией в Крым, откуда присылал открытки с видами Алушки и Ялты. Впервые о Крыме я составил какое-то впечатление по его открыткам и рассказам, которые я невольно слушал. Дядя Володя умер в Алушке вскоре после ареста дяди Саши.

Тетя Зина была моложе всех. Учительствовала в Бузулуке, а позже в Самаре. Как-то в 50-х годах, делая пересадку в Куйбышеве, я был у нее и поразился громадной библиотеке ее мужа Антимонова. После его смерти и выхода тети Зины на жалкую учительскую пенсию библиотека стала основным источником ее существования.

Мама была с ней в дружеских отношениях всю жизнь. Я переписывался с конца 70-х годов. Много сведений о родословной по женской линии получено от нее. Однако, несмотря на мои вопросы, тетя Зина ничего не сообщила о своей сестре Антонине, которая после гражданской войны оказалась в Харбине, а позже в Америке. Она была старше Зины, которой в 1990 г. исполняется 84 года.

Постепенно большая и очень дружная семья распалась. Дом заполнили многочисленные сестры и братья жены дяди Саши – тети Тони, и контакты с этой семьей прекратились.

Моя крестная Анна Петровна Леонидова была школьной подругой матери. В года моего детства она была учительницей (так же как и ее муж Николай Степанович), у них было две дочери: Вера, моя сверстница, и Таня чуть младше. Жили они в своем доме по улице Толстого. В этом доме мы также бывали, но реже, чем у Бекетовых и Клиновых.

Мой крестный Сергей Иванович Колоярский был соучеником отца по реальному училищу. В свое время они подружились на почве рисования. Как я помню, Колоярский был учителем рисования и черчения сначала в школе, позже в техникуме. Жил он в доме своей жены, близкие отношения не сложились.

Как мне помнится, в 30-е годы он сидел лет 5, возвратился в крайнем ожесточении и буквально изливал злобу и желчь на окружающих. Однако это не оправдывает его поступка в 1951 году.

После сдачи экзаменов в Каспийском ВВМУ я получил отпуск и приехал к маме в Бузулук.

Конечно, вид у меня был блестящий и преуспевающий: капитан-лейтенант в тужурке, при коротких белых перчатках. Однажды по пути с очередным визитом мы с мамой встретились с

Колоярским и несколько минут поговорили, причем я удивился степени его озлобленности на всех и вся. Этого было достаточно, чтобы в училище пошло письмо, где правда о моей семье переплеталась с невероятно злобным вымыслом.

После моего возвращения из отпуска начались неприятности, т. к. письму по линии КГБ был дан ход.

В конечном итоге только благодаря энергичным действиям адмирала Рамишвили я отделался переводом в Балтийское ВВМУ в Калининграде. Но это отдельная эпопея.

В Бузулукский период моего детства бывали мы и в семье Герасимовых, о них я написал, говоря о Георгии.

В моей памяти сохранились еще фамилии Плешивцевых, Звягинцевых, у которых бывали родители. Я не помню, что меня туда брали в детстве.

Вспоминаю, что множество раз мы ездили на железнодорожную станцию встречать проходящие поезда. Было принято, что если кто-нибудь из родственников (дяди Михаил, Василий, Виктор; тети Нина и Сима) проездом бывали в Бузулуке по пути в Ташкент или из Ташкента, то давалась телеграмма, и мы ездили встречать. В Бузулуке менялась бригада (паровоз) и поезда стояли минут 15–20. Такие встречи обязательно сопровождались обменом «гостинцами». С тех пор помню особый вкус ташкентского винограда и дынь.

В Бузулук несколько раз приезжал из Бугуруслана и даже по нескольку дней жил у нас брат бабушки Василий. В 1937 г. он был арестован и исчез.

После смерти Нины зимой 1930 г. мои родители ездили на несколько дней в Москву, взяли с собой меня. Останавливались у какого-то родственника – учителя. Он был похож на портреты Чехова (в пенсне на черном шнуре, с усами и бородкой). Помню, что он был знатоком Москвы и бесконечно подробно рассказывал о церквях и монастырях, Кремле и даже отдельных домах. Он возил нас к храму Христа Спасителя, и мы присутствовали на одном из взрывов. Храм взрывали по частям, т. к. сделан он был, как я узнал позже, невероятно прочно.

Во время этой поездки я впервые был на Красной площади и в мавзолее Ленина.

Американцы

Весной 1930 г. в заволжские совхозы, которые были организованы на месте целиком раскулаченных сел, стали поступать американские тракторы фирм Катерпиллер и Калитрак. Это были впервые увиденные мной гусеничные машины, прообразы более поздних наших тракторов ЧТЗ и СТЗ НАТИ.

Для обучения трактористов из Америки приехали инструктора. В совхозе «Средневолжская Коммуна» было двое. Один из них, мистер Джеймс Харрингтон, был определен на квартиру в наш дом. Сдавались обе комнаты окнами на улицу.

Вначале Харрингтон жил один. Летом приехала его жена Вильма – очень красивая, лет 20, не более.

Сам Харрингтон был здоровенный детина, похожий по типу на Джека Лондона (белобрый, с боксерской челюстью, очень шумный, громогласный и подвижный).

К нему была прикреплена машина марки Ford типа пикап, которую он сам мастерски водил.

С появлением американца в нашем доме на Пролетарской улице был проведен электрический свет. Проводку сделали белым проводом на больших фарфоровых изоляторах, конечно, проводка была наружной. Электрические лампочки появились во всех комнатах и на кухне, но выключатели были не на стенах, а в патронах. Джеймсу очень понравилась большая керосиновая лампа «молния», которая висела в большой комнате как люстра. Он переделал эту лампу на электрическую, вставив вместо горелки – патрон.

К началу лета приехала Вильма. У американцев была масса невиданных вещей и принадлежностей. Например, радиоприемник от сети с динамиком внутри корпуса. В то время приемники были самодельные, с лампами на ящике, причем лампы горели как осветительные. Динамик типа «Рекорд» подключался отдельно, кроме того, были наушники (телефоны), т. к. динамик сплющ да рядом «не тянул». Питание было аккумуляторное, причем аккумуляторы носили (или возили) заряжать на почту.

По-русски американцы не говорили и не хотели учиться (разве что м-р Харрингтон быстро усвоил мат). На работе, где он обкатывал тракторы и вел курсы трактористов, у него был переводчик, а дома переводила мама.

Американцам часто слали посылки. Я тогда впервые попробовал консервированные сосиски, ветчину, ананасы и различные фруктовые и овощные соки.

Иногда наезжали американцы-инструкторы из других совхозов, и во дворе стояло одновременно по 4–6 автомашин.

Тогда же впервые я увидел газеты на нескольких листах и красочно оформленные журналы с экзотическими картинками и рекламой.

В середине зимы Вильма уехала, а вскоре укатил и мистер Харрингтон. В семье кроме воспоминаний остались и долго применялись некоторые инструменты и хозяйственные предметы (чистилка для картошки, терки, ножи и ножницы).

Отец с Харрингтоном был в приятельских отношениях, научился управлять автомашиной и трактором. Позже, уже в войну, отец писал мне, что эти навыки емугодились на фронте.

Кроме мата, Харрингтон освоил названия спиртного: «Спотыкач», «Ерофеич», «Зубровка» и др. Простую водку почему-то не покупали, крепкие настойки преобладали и пользовались популярностью (учитывая сухой закон, который свирепствовал в то время в Америке).

Лето в деревне

В начале 1931 г. отец уехал учиться в Ташкент, а мать устроилась на работу в управление совхоза Коминтерн. В начале лета управление перевели на базу совхоза в деревню, раскулаченную почти целиком. Дома стояли пустые. Я провел лето в деревне. Мы с мамой жили в доме, который занимал главный бухгалтер совхоза – сибиряк с большой семьей; детей было четверо, причем двое моего возраста. Недалеко было помещичье имение, дом с колоннадой и большим парком. Был сад, весьма доступный, мы часто туда наведывались по поводу спелых яблок, ранета и крыжовника с малиной. Сад был одичавший, но плодоносил.

В помещичьем доме жил управляющий отделением совхоза по фамилии Могильный. Он приехал с семьей из Америки и был сыном эмигранта, что-то, помнится, потемкинца. Конечно, был большевиком. Его два сына моего возраста имели имена Ленин и Маркс-Ленин (Ленчик и Марленчик), часто мы играли вместе. Их мать была американка и по-русски говорила неважно. Много позже я слышал, что Могильный был арестован и расстрелян, а семья сослана.

Часто мы играли в гараж, т. к. недалеко был совхозный гараж с тремя машинами, которые мы, конечно, знали «в лицо». Это были полуторка «форд» и две побольше – АМО и «мерседес-бенц».

Главным развлечением была речка, извивающаяся на окраине деревни. Речка была небольшая. Были перекаты и ямы, берега, поросшие ивняком и подлеском. Участки с небольшими обрывами и песчаными пляжами. Купались и жарились на солнышке целыми днями, а утром и по вечерам рыбачили. Рыбья мелочь (пескари, ерши, окуньки и красноперки) попадалась массой, так что мать моих соседских приятелей, сибирячка, систематически жарила нам на громадной сковородке нечто вроде шкары. Это было тем вкуснее и кстати потому, что с питанием становилось все хуже и хуже.

Готовила на всех жена бухгалтера, не помню, как ее звали. Помню, как она давала детям по чайной ложке сахара, высыпая его прямо на стол, а мы макали в сахар кусочек хлеба и с удовольствием ели, а потом и клеенку облизывали.

С первого сентября пошли мы в школу. Школа помещалась в избе с одной большой комнатой, где стояли столы и скамьи, на глухой стене висела классная доска. Четыре ученика было в 7 классе (они сидели за одним столом сбоку), три ученика было в 4-м классе, они тоже сидели за боковым столом с другого бока.

Первые столы (по-моему, три в ряд) занимали ученики 2-го класса, и остальные 2 или 3 ряда столов – первоклассники. Учительница была одна, звали ее Лариса, одновременно она была пионервожатая. В конце первой четверти к ноябрьским праздникам весь первый класс был принят в пионеры, так что октябренком я фактически не был. Занятия в школе проходили интересно.

С начала урока Лариса давала задание 7-му, 4-му и 2-му классам (по учебникам или книгам), а потом занималась с первоклассниками поочередно азбукой или письмом, но еще ежедневно было пение. Например – даст задание старшим, а с первоклассниками разучивает «Наш паровоз летит вперед, в Коммуне остановка» или «Интернационал». Несмотря на такую методику, к концу четверти я и читал, и писал.

В ноябрьские праздники мы с мамой уехали в город. Она перевелась счетоводом в контору «Совхозснаб» в Бузулуке.

По возвращении в город учебу я не продолжал. Вроде бы у мамы был такой мотив, – чтобы более взрослым кончил школу. Я в школу не рвался и с удовольствием проезжал зиму на новых лыжах.

Этой зимой я начал ездить с крючком за автомашинами.

Сейчас этим не занимаются, а была целая эпоха «крючников». Я ездил зимами с крючком до четвертого класса включительно.

Промысел крючников заключался в катании за автомашинами на коньках.

Зимой на дорогах образовывалась наледь, и автомашины, особенно на поворотах, сбавляли скорость. Крючники караулили машины на перекрестках и на ходу цеплялись крючками из толстой проволоки (толщиной в карандаш и более) за борт машины. Ехали за машиной на крючке или держась за край заднего борта.

Иногда за одной машиной ехало по 4–6 крючников.

Шоферам это не очень нравилось, и если в кузове был грузчик или пассажир, он сгонял желающих прокатиться.

Применялся и такой маневр – шофер вилял с колеи на обочину, покрытую мягким снегом, от неожиданного резкого торможения крючники отрывались и катились кубарем.

Иногда шофер останавливался и отгонял ребят, что называется, вручную.

Нередко за машиной заезжали далеко за город, до моста через Самару или за вокзал, и когда становилось ясно, что машина обратно не поедет – отцепившись, ковыляли в город довольно далеко. Конечно, бывали и несчастные случаи. Крюничество не поощрялось ни родителями, ни в школе, однако почиталось занятием лихим и процветало в определенной среде подростков.

Арест отца

Аресты в городе шли. Взрослые об этом узнавали. Незадолго был арестован врач, заведующий лабораторией, в которой работал отец. На улицах стали даже днем встречаться арестованные под конвоем 2–4-х «сотрудников» в гражданском с револьверами наголо.

Боялся ли отец ареста? Боялся, но вины не чувствовал, т. к. три месяца в белой армии Колчака в качестве рядового офицерского полка, не участвовавшего в зверствах и репрессиях, никого не убивавшего, казалось, не было поводом для ареста.

Слышал я кусок разговора между родителями много позже и далее. – Уже в тюрьме и тем более в лагере он понял, что поводов для ареста вообще могло не быть. Достаточно было косого взгляда лица из власть имущих или «сотрудников», или упоминания фамилии на чьем-то допросе. Например, на вопрос: «Кто присутствовал при разговоре (высказывании, анекдоте)?» Возможно, что подобный вопрос был задан и заведующему лабораторией. Возможно.

Арестовывать пришли ночью. Четверо «сотрудников» и двое понятых, соседей.

Я проснулся от громких разговоров, топая и зажженного света. Однако тихо лежал в своей деревянной кровати с загородками. Никто не обращал на меня внимания. Все столпились в большой комнате, где начался обыск. Я оделся, вошел тихо в открытую дверь и присел на корточки у стены. В комнате был полный разгром. На полу валялись книги и мелкие вещи. Со стен были сняты и выдраны из рамок картины. Автопортрет отца был сорван с подрамника и, свернутый в большую трубку, – лежал на столе. За столом сидел, видимо, старший, листал альбомы с фотографиями и время от времени обращался к отцу с вопросом: а это кто? Некоторые фотографии вынимал и откладывал. Остальные трое рылись в книгах и в ящиках комода, выбрасывая книги с полок, а вещи из ящиков на пол.

Так были перевернуты все комнаты и кухня. С вещами обращались, как и описываются обыски в литературе, не было вспарывания подушек и перин, остальное было в ассортименте.

Под конец этой процедуры я был согнан с места и устроился в проходной комнате на тахте, которая была уже исследована и сдвинута с места. В мою кровать бабушка подбирала одежду с пола.

Как уводили отца, я не видел. Проснулся от того, что меня с плачем обнимала мама.

В последующие после ареста дни на меня никто не обращал внимания, было не до меня. Мама ушла с работы (или ее уволили, узнав об аресте ее мужа). Она проводила время у юристов и у тюрьмы, а через несколько дней уехала в Самару, т. к. отца отправили туда.

Когда я по моему запросу получил документы о реабилитации отца, то узнал, что следствия и суда фактически не было. Заседала «тройка», которая и вынесла приговор.

Бабушка, как я позже понял, хлопотала с продажей дома. Тут я пошел в школу, опять в первый класс, мне было ровно 8,5 лет.

Мама приехала из Самары в конце сентября или даже в октябре, и тут я впервые услышал зловещий номер статьи 58.10.

После заседания «тройки», на котором отцу дали срок в 3 года лагерей, мама бросилась к адвокату, который ее буквально выгнал, сказав, что она со своей апелляцией ненормальная, т. к. при пересмотре дела срок добавят. С тем она и вернулась в Бузулук.

Школа

В октябре или ноябре мы переехали в новый дом, т. е. дом был даже очень не новый, маленький и неудобный. Двор был совершенно голый, без единого деревца. В углу двора стоял сарай, разделенный переборкой пополам с отдельными входами. В ближней к дому части был погреб, выложенный красным кирпичом. В доме была фактически одна комната, печка и дощатые переборки без дверей создавали две выгородки. В кухне была русская печка, а к входной двери на кухню со двора был пристроен дощатый тамбур. Крыша была железная, но латанная множеством раз. На моей памяти ее много раз чинили.

Переселение в дом на Оренбургской улице (ранее она называлась Струнная, т. к. по ней проходила телефонно-телеграфная магистраль на столбах) совпало с переводом школы, куда я поступал, в помещение старой женской гимназии, в которой училась мама. Видимо, это было типовое здание из красного кирпича, подобные я позже неоднократно видел. Школа была просторнее прежней, с большим актовым залом со сценой и фисгармонией за бархатным занавесом. Пол был паркетный, окна большие, отопление – паровое (во дворе школы была котельная и стадион). Школа стояла на перекрестке двух улиц – Красноармейской (главная улица города) и Уфимской (она выходила на дамбу, ведущую к мосту через Самару, была целиком мощеная булыжником).

Учиться мне было неинтересно, хотя учительница в первых четырех классах была превосходная.

Александра Алексеевна Пояркова жила через 3 дома от нас. Было у нее двое детей – мальчик в 7-м классе и девочка в 4-м. Ее муж, как я узнал позже, сидел в лагере, да так и не вернулся.

Должен признаться, что я испортил нервы своей учительнице, особенно в первых двух классах, а она относилась ко мне удивительно хорошо и добилась своего. Четвертый класс я закончил круглым отличником, да так и удержался до окончания школы.

В первом классе появился у меня приятель по шалостям Вовка Землянский. Был он сыном секретаря райкома. Видимо, семья была интеллигентной, это чувствовалось. С Вовкой было интересно. Читать он умел, и книги мы читали одинаковые. Кстати, заведовала школьной библиотекой с массой книг, оставшихся еще от гимназии, мамина соученица, которая нам покровительствовала и давала отборные книги. Помню первую книгу из школьной библиотеки: «Американские народные сказки» (где фигурировали братец Кролик, братец Енот, братец Опоссум и т. д.).

Во время уроков мы с Вовкой мгновенно выполняли задание (а крючки мы писали не менее полугода) и развлекались по мере сил. Вертелись, разговаривали, стреляли из резинок или трубочек и очень часто вместе оказывались изгнанными из класса в коридор. Не помню, чтобы мы стояли с виноватым видом у двери. В пустых коридорах трехэтажного здания было много мест для развлечения. Например, широкие перила парадной лестницы, по которым мы с восторгом ездили, актовый зал, где на сцене стояла «фисгармошка», и ее можно было терзать «в 4 руки» (один качает меха, а другой жмет на клавиши!) Однажды мы пытались залезть по занавесу на верх сцены. Занавес оборвался, и мы были доставлены в кабинет директора школы замотанными в занавес. Дело обошлось вызовом родителей. Должен признаться, что за первые два класса я доставлял маме это «удовольствие» раз шесть.

У Вовки был велосипед. В самом начале первого класса, было еще сухо, как-то на школьном стадионе я научился ездить. Велосипед был «взрослый», и вместо седла была привязана подушка. Нечасто, но мне перепало покататься. Я буквально заболел велосипедом. Изучил устройство, бесконечное число раз рисовал, однако понимал, что получить велосипед мне не светит.

С одной стороны, в свободной продаже их не было, продавали только по «хлебным квитанциям». Квитанции выдавали за сверхплановую сдачу хлеба (ржи или пшеницы);

С другой стороны, велосипед стоил 250 руб., а мама получала как счетовод 80, позже 100 руб. Жили мы в это время очень бедно. Втроем на материну получку, к тому же систематически посылались посылки отцу в Темлаг.

Должен признаться, что роль «сына врага народа» меня не слишком угнетала. Причина не в детском легкомыслии, а в том, что основная масса знакомых людей относилась ко мне скорее сочувственно, нежели озлобленно, хотя и в школе и на улице от сверстников я систематически получал разного рода напоминания. Кое-кто из знакомых, и взрослых, и детей, буквально прекратил общение, но таких было меньшинство.

По совету дяди Саши Бекетова (подарившего мне копилку в виде большой металлической сберкнижки) я начал собирать деньги на велосипед.

Все родные и близкие знакомые стали мне дарить деньги: то рубль, то три или даже 5 рублей. В начале четвертого класса, т. е. в 1936 г., у меня набралось 270 руб. Были куплены за 300 руб. хлебные квитанции, через знакомых сотрудников матери, и новый пензенский велосипед был куплен!

Берег я его – пуще глаза. Быстро освоил до мелочей устройство, разбирал, чистил, смазывал и ездил очень осмотрительно. Достаточно сказать, что, даже уезжая «на лето» в Геленджик, в 1938 г., велосипед был с нами в багаже. В 1938–42 годы я буквально не слезал с велосипеда, ухаживая за ним по-прежнему. В 1942 г., когда я уже был в училище, велосипед был в отличном состоянии продан матерью за 1000 рублей!

В Бузулуке же велосипед сделал доступными все окрестности города и за два года, конечно, в сухую погоду, я (обычно в компании с другими сверстниками) многократно объездил все окрестные достопримечательности.

Голод

Зимой с 1932 на 33 год наступил настоящий голод. В магазинах в продаже не было ничего съедобного, цены на базаре, тоже оскудевшем, были непомерные. Одна служащая 3-й категории и две иждивенческие карточки давали 500 грамм хлеба в день, иногда хлеб заменялся отрубями, а нередко подсолнечным жмыхом.

Есть хотелось постоянно. В городе функционировал Торгсин, где за драгоценный металл можно было получить практически любые съедобные деликатесы. Драгоценности принимались как лом с выковыриванием не идущих в вес драгоценных камней.

Я уверен, что без Торгсина наша семья голода не перенесла бы.

Первыми ушли обручальные кольца, а позже дошло до риз с икон бабушкиного иконостаса, включая и серебряную лампаду, и все наличные серебряные ложки, и немногочисленные безделушки.

В Торгсине бабушка брала не деликатесы, а самую дешевую еду, как таковую. Помню, время от времени появлялась мука, пшено, чечевица, реже постное масло. Эти продукты растягивались на предельно длительный срок, но перерывы между походами в Торгсин были всё длиннее. Вскоре суп со следами картошки и пшена сменялся *затирухой*, тоже довольно жидкой.

Затируха – это кипяток, сдобренный перетертыми в ладонях шматками теста, в тесто, если есть, кладут ложку любого масла (подсолнечного, кукурузного, хлопкового или лампадного). С появлением зелени стало легче: затируха сдабривалась крапивой или лебедой. Посадили во дворе лук и картошку. Я частенько бегал на рыбалку, и кошке доставались только хвосты и головки пескарей и ершей.

Трупов на улицах я не видел, но по слухам, были, особенно на вокзале. Изможденных нищих, особенно башкир, татар и цыган, было видимо-невидимо.

В школе на большой перемене давали завтраки по списку. Это была или жидкая каша на воде, или еще более жидкий суп со следами крупы и картошки.

За завтраки платили наличными, т. е. даже у малышей были деньги. Мне тоже давали, однако мечта о велосипеде зачастую толкала меня опустить мелочь в копилку.

Позже участились случаи ограбления младших старшими учениками, и «завтраки» стали оплачиваться вперед, от чего качество и количество пищи не увеличилось.

За углом нашей улицы размещалось городское ГПУ, где был свой, конечно закрытый, распределитель. Постоянно ребята с улицы наблюдали, как «сотрудники» выносили оттуда набитые сумки.

В школе тоже некоторые соученики (и соученицы) приносили с собой такие вкусные вещи, о которых большинство детей забыло думать. Редко кто делился, но просители и услужливые подхалимы были.

Голод продолжался весь 1933 и половину 1934 года. Позже стало полегче. Стали выдавать съестное на базе совхозснаба, где работала мама. Я рисовал для конторы лозунги к праздникам и универсальные, вроде КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЁ! и ТЕХНИКА РЕШАЕТ ВСЁ! Оплачивали лозунги мне тоже продуктами, не щедро, но тем не менее.

Темлаг. Лазаретный лагпункт

Темниковский лагерь расположен на территории Мордовии. В конце 1989 г. в одной из телепередач показали иностранцев-преступников, осужденных у нас в стране. Они содержатся в лагере на ж.-д. станции Потьма, значит, жив Темлаг.

В 1934 весной мама получила документ-разрешение на свидание с отбывающим заключение отцом.

В лагере он оказался осенью 1932 года на 9-м лагпункте, в качестве лесоруба.

Лагерь представлял собой ж.-д. ветку обычной колеи от станции Потьма на северо-восток. Кругом были сосновые леса и болота. Вдоль ж.-д. ветки расположились лагпункты (в разное время – разное число, в 1934 году их было 20).

Каждый лагпункт представлял собой охраняемую зону. Определенная небольшая территория, примерно 500х300, огороженная забором из колючей проволоки в 2–3 ряда, перед забором внутри зоны – запретная полоса, как на границе. Вокруг зоны – вышки с вохровцами (охраной) и столбы с освещением.

Внутри зоны – бараки для заключенных, охраны, администрации и другие постройки.

Один из лагпунктов был административный, помнится, шестой, и один – госпитальный или лазарет – 17-й. Километрах в 4-х было мордовское село Барашево. Железнодорожная станция у лагпункта тоже называлась Барашево.

Отец проработал лесорубом с осени 1932 г. до марта 1933. Заболел пеллагрой, это была обычная для ГУЛАГа болезнь – тяжелый авитаминоз. Смертность была большая. Сейчас пишут об этом много, а я сам видел.

Попав в лазарет, отец фактически был обречен, т. к. был лежащий пеллагрик, такие обычно не поднимались.

Дальше сработал «его благородие СЛУЧАЙ». Начальником лазарета оказался соученик отца по медицинскому факультету Казанского университета доктор Варшавский Абрам Соломонович.

Конечно, он мог не узнать и не вспомнить знакомого двадцатилетней давности. Даже узнав, мог не признать. Но доктор Варшавский и узнал, и признал, и помог.

Прежде всего отец был поставлен на ноги, в воле начальника лазарета было обеспечить элементарное лечение и питание. Главное же было в том, что отец был оставлен санитаром в инфекционном отделении лазарета.

Летом 1934 г. подвернулся случай. Заболела дочь начальника лагеря, чем-то серьезным. Потребовались срочные анализы, которые сделать в лазаретной лаборатории не смогли, а отец взялся и сделал. После этого заключенного же заведующего лабораторией и отца поменяли местами. Люди были подневольные, еще не то делалось.

Став завлабом, отец получил право писать чаще, а не раз в месяц при условии выполнения плана, как было установлено для рядовых заключенных; более того, «ударно» проработав около года – получил разрешение на свидание с родными на пять суток.

Так я попал в Темлаг в первый раз. Второй раз, летом следующего 1935 года мы с мамой приехали уже без разрешения на свидание, т. к. у отца закончился срок заключения, и он был оставлен на той же должности в вольнонаемном качестве. Это в лагерях практиковалось, причем зачастую таким «вольнонаемым» по какому-нибудь поводу, а чаще без повода давали новый срок, и он в очередной раз становился зеком.

На свидание мы приехали в каникулы после окончания мной второго класса, было мне 10 лет.

До ст. Потьма доехали в обычном пассажирском поезде Андижан-Москва. От Потьмы ехали товарным порожняком на обыкновенной платформе. Барашево было на 57 километре от Потьмы.

Поселились мы в пристройке к женскому барaku. Одно окно и дверь были в сторону конюшни, вдоль которой стояли сани и повозка. В конюшне было 6 лошадей, конюхами и возчиками были пожилые кубанские казаки. По вечерам они часто пели свои песни очень складно.

В пределах ограды было довольно много барakov. Три или четыре корпуса собственно лазарета, лаборатория и аптека в одном баракe, три или четыре барака для заключенных, отдельно барак ВОХР с вольером для собак, клуб с библиотекой, столовая с кухней и несколько двухквартирных коттеджей, в которых жили вольнонаемные врачи и другой персонал. Отдельно был склад и контора.

В зону вело два КПП, основной и хозяйственный, с караулками и воротами. На КПП дежурили вохровцы. Кроме того, была мастерская (столярная и слесарная), морг и большой ледник.

Вдоль барakov были приподнятые деревянные тротуары. В центре территории был плац с трибуной, рядом спортплощадка с брусьями, турником, «гигантскими шагами» и волейбольной сеткой.

Вокруг лазарета метров на 150–200 был сохранен сосновый лес, а дальше шли вырубки, зарастающие кустарником, и болота.

Вдоль ограды стояли столбы со светильниками. Эти светильники – керосино-калильные лампы *Аида* – я ни ранее, ни позже никогда не видел.

Светильник был почти моего роста. Заправлялся керосином. Горелка особой формы работала по принципу примуса, т. е. требовала накачки, предварительного разогрева, а будучи подготовленной, накрывалась калильной сеткой, которая разогревалась горелкой добела и являлась собственно источником света. После поджога горелка с сеткой закрывалась цилиндрическим стеклом. Были устройства для вентиляции и колпак от воды.

Лампа по двум направляющим тросам опускалась до земли на тросике с помощью небольшой лебедки.

К освещению, а столбов было 8 или 10, был приставлен фонарщик, который заправлял и чинил лампы, зажигал их по вечерам и тушил с рассветом.

С фонарщиком я быстро познакомился. Это был пожилой священник-зек. Он часто читал мне какие-то стихи и постоянно тихонько пел что-то духовное тоненьким голосом.

Когда мы приехали в лазаретный лагпункт на следующий год, лампы *Аида* были заменены электрическими прожекторами.

В первый же вечер и ночь меня поразило невиданное количество комаров и клопов. От комаров люди спасались накомарниками и кадилами – консервные банки с пробитыми гвоздем отверстиями на веревочках или проволоках с тлеющим навозом или древесным мхом или трухой. Я быстро освоил режим поддержания в «кадиле» наиболее дымового состояния. Комаров была такая масса, что по вечерам со стороны леса в десятке шагов был слышен гул. С голыми руками и ногами по вечерам лучше было не появляться. А будучи в накомарнике, следовало иметь еще ветку дерева с листьями, чтобы непрерывно обмахиваться.

Клопы буквально не давали спать до слез. Как только гасился свет, клопы толпами бросались из всех щелей. Пытались после выжигания клопов из кровати ставить ее ножками в банки с водой, но клопы падали с потолка. Для того, чтобы заснуть, нужно было сделать эллипс на простыне из бутылки со скипидаром. Пока скипидар не выдыхался, можно было заснуть.

В первый наш приезд мы прожили не 5 дней, а до середины августа, т. е. два месяца.

Дело в том, что на 3-й или 4-й день около лазаретного кипяильника-титана, где все брали кипятка, мне обварили ноги ниже колен.

Санитар, набрав ведро кипятка, – уронил его, а я стоял с чайником в очереди. Я, конечно, заорал и помчался к своему барaku, громыхая привязанной крышкой чайника.

Я был в носках, тапочках и коротких штанах. Носки снялись вместе с кожей, выше почти до колен были пузыри, а ступни были закрыты тапочками и уцелели. Конечно, было больно. Бинтовать ожоги было нельзя, приходилось прикладывать намоченные в марганцовке тряпки. Тряпки высыхали и нагревались. Следовало их часто освежать. Накрываться, даже простыней, тоже было невозможно. Пришлось делать из провода каркас, а уж его накрывать простыней. Лежал я недели 2–3, после чего начал понемногу ходить. К этому времени к нам, видимо, привыкли, и уехали мы только к началу школьных занятий.

Когда я стал вставать и передвигаться, мы с мамой ежедневно ходили в лес. Для выхода из зоны у начальника ВОХР лазарета брали «бирку» (картонный талон, который отбирался при возвращении на КПП). Бирку мы получали без разговоров, т. к. начальник ВОХР частенько заходил к отцу в лабораторию и выходил с красной мордой. Он выпивал почти весь получаемый для анализов спирт. У этого начальника была огромная свирепая овчарка по имени Гитлер. Этого пса боялись все, т. к. ходил он без намордника и поводка, был явно натаскан на зеков и хватал за ноги по своему собственному разумению, хозяин при этом не проявлял недовольства.

В лесу, на полянах, на порубках и на кочках болот было видимо-невидимо ягод (земляники, малины и черники. Клюква вызревала позже). Ягод мы собирали помногу, но сохранять было трудно. Сахару не было. Мама делала пастилу (сваренная без сахара масса из ягод намазывалась на доску и сушилась) и сушила ягоды малины и черники на солнце. Основную массу собранного съедали, да и собирали «через одну» (одну в рот, другую в кузовок). Кузова были из бересты, сделаны художественно, кроме того, и туземцы в деревне, и умельцы в лагере плели из лыка лапти и разные поделки. В 3-й класс я пошел с ранцем из лыка, но вскоре ребята задразнили, и ранец оставался дома, как вместилище книг.

Нам с мамой сплели лапти по заказу мелким стежком лыка, причем лапти имели форму глубоких галош. В лаптях было очень удобно ходить, особенно по воде болот. На болотных кочках росла и малина, и черника. Заблудиться на мокром болоте было очень просто, т. к. кочки тянулись рядами, одна переходила в другую, и масса их создавала форменный лабиринт, залитый водой. Дно было не топкое. Вода мелкая, редко выше колен. Однажды, собирая малину с очередной кочки, я услышал, что с противоположной стороны кто-то чавкает и шевелится. Подумал – мама, но меня насторожило довольно громкое чавканье, однако я увлекся малиной и дошел до конца кочки, где носом к носу столкнулся с медвежонком средней величины, стоящим дыбом. Я и зверюга бросились бежать в разные стороны. Мама, которая уже искала меня, сказала, что видела медведицу с маленьким медвежонком, которые выбежали из болота и скрылись в лесу.

Разговоров было до конца лета.

С обеих сторон лазаретного лагпункта по линии железной дороги были покинутые лагпункты 16-й и 19-й (18-й был в стороне, еще действовал, к нему, по-моему, шла отдельная ветка).

Из любопытства мы заходили в эти лагпункты. Они отличались от лазаретного меньшими размерами зон, вышек было по четыре, только по углам огороженного квадрата. Ограда была усилена рвом с водой. Построек было тоже меньше, и были они какие-то очень мрачные, с маленькими окнами и нарами внутри.

Меня поразил тошнотворный постоянный запах во всех бараках и, казалось, даже на территории. Помещения были необитаемы с прошлого года, а запах устойчиво сохранялся. В лазарете преобладал запах креозота и карболки. Как-то я оказался около КПП, когда ввели колонну больных (были и женщины, некоторые заметно беременные). Колонна прошла близко от меня, и я почувствовал тот же запах, что и в бараках покинутых лагпунктов.

Вообще больных доставляли почти ежедневно, бывали и на носилках, которые тащили ходячие больные, но всегда под конвоем, нередко с собаками.

Умирали в лазарете многие. Постоянно видел, как несут накрытые носилки в морг. Хоронили в братских могилах, на которые ставился столбик с номером. Вокруг лагпункта было несколько кладбищ.

О людях в лагере.

Мое общение с окружающими людьми было случайным и односторонним. Могу достоверно сказать, что в подавляющем большинстве к 10-летнему мальчишке относились очень приветливо, заботливо, а иногда даже с какой-то нежностью. Это понятно, у многих на воле остались дети. Были единичные злые типы, которых я сторонился.

Засилья уголовников в лазаретном лагпункте не было, преобладала 58-я статья, судя по компаниям подбиравшихся по интересам. Был драмкружок, в котором участвовал отец. Я дважды был на спектаклях, ставили Островского «Не в свои сани не садись» и модного в те годы «Платона Кречета». Режиссером был аптекарь, бывший заслуженный артист республики из Харькова (фамилии не помню). Постановки выглядели бедно по костюмам и реквизиту, но вполне профессионально по игре. Была компания, собиравшаяся в библиотеке. Библиотекарем была очень симпатичная женщина средних лет. Я слышал, что она кандидат наук, бактериолог, работала в НИИ в Киеве, срок получила 15 лет в составе группы сотрудников по ст. 58.10 и 58.13 за «подготовку бактериологического отравления Днепра». Фамилии я не помню, звали Аня. Отличалась тем, что ходила в вольной одежде, тогда как преобладала кругом казенная спецовка и для мужчин, и для женщин.

Собиралась компания и на волейбольной площадке, в основном молодежь. Иногда в команду принимали меня. В лагере я начал играть в волейбол.

В лаборатории, кроме отца, работало еще двое лаборантов и две санитарки. Один из лаборантов, инженер-химик, читал мне вслух и в лицах интересную книжку о мальчишке-разведчике в гражданскую войну «Макар-следопыт». Позже я эту книгу никогда не встречал. Этот лаборант был радиолюбитель. Он первый рассказал мне о радио. При мне он собрал детекторный приемник (самый простейший), и несколько раз мы слушали радио (был всего один наушник, даже непонятно, откуда он появился, т. к. трансляции в лазарете не было). Буквально через два дня пришел начальник ВОХР и приемник отобрали.

В лазарете был ларек, который иногда открывался, там бывали и съедобные вещи. Иногда у КПП стояли крестьяне из ближайшей деревни – мордва, все в одежде из домотканого полотна с вышивками и обязательно в лаптях, с женщинами в особых головных уборах, вроде духовных клобуков. Крестьяне продавали продукты.

С питанием у нас было плохо. Отец получал «на вынос» свою порцию в столовой для obsługi. Порции на троих не хватало. Деньги быстро кончились. Мама меняла вещи на картошку, но и вещей, конечно же, было мало, чемодан быстро опустел. Картошку варили в мундире на лабораторной керосинке. Помнится, удивительно вкусная была картошка.

Когда приходили знакомые или сотрудники отца, то обычно приносили что-то съедобное. Угощали едой и совсем незнакомые люди, это я хорошо помню.

В первое наше посещение я часто заходил к соседям в конюшню. Конюхи были приветливые кубанские дядьки, все пожилые. Я сперва помогал, а позже и сам запрягал и распрягал лошадь. До сих пор помню названия деталей сбруи, хотя позже никогда с этим не встречался.

Когда мы приехали на лето 1935 г., то жили в маленькой комнате при лаборатории, в противоположном конце зоны.

Рядом были мастерские. Я повадился в столярную, где ко мне тоже относились хорошо мастера. В столярке я научился обращаться с пилой (продольной и поперечной). Стругал доски и рейки. Впоследствии плотницкие навыки мне очень пригодились. Недели через две после приезда я начал делать pedalный автомобиль. И сделал.

Кроме коленчатого вала и оси задних колес, эта конструкция, которую я помню в деталях, была целиком деревянной. Должен сказать, что мастера мне только советовали, как делать ту или другую часть, но делал я все сам.

Для оси пилил ножовкой по металлу прут, а коленчатый вал мне согнули и отковали в слесарке.

Колеса были деревянные, в два поперечных слоя досок, опиливал по кругу лучковой пилой я сам.

Автомобиль получился тяжелый и ездить было трудно, особенно по песчаной почве зоны. Вот по деревянным тротуарам ездить было приятно.

В течение лета второго посещения Темлага, когда отец был уже вольнонаемным и получал какое-то содержание как «сотрудник НКВД» и паек, мы жили прилично, т. е. не голодали.

Мама наварила несколько банок варенья, а также, как и в первый приезд, засушила ягод и сделала пастилу.

Когда мы уезжали в середине августа, отец провожал нас до Потьмы и посадил в поезд.

Во время посадки у нас украли тюк – матрас, одеяло и подушку, в которые были завернуты банки с вареньем и сушеные ягоды. Темлаг есть Темлаг.

Пионер-активист

Возвратившись после второй поездки на лето в Барашево, в 1935 г. я пошел в свой 4-й класс, всячески наставляемый мамой и бабушкой – «взяться за ум». Однако главным стимулом было обещание мамы платить мне по 50 коп. за каждую пятерку. О велосипеде я думать не переставал, и копилка медленно пополнялась. Надо сказать, за ум я взялся серьезно и начиная с 4-го класса четверки получал очень редко.

С начала четверти по совету соученика Вовки Давыдова (Давыда) я записался в кружок авиамоделлистов дома пионеров. Дом пионеров был на Красноармейской улице по пути из школы домой.

В это время большинство ребят бредили авиацией. Все внимательно следили за спасением челюскинцев, все знали фамилии первых Героев. Молодежь рвалась в небо, энтузиазм был повсеместный.

В нашем доме появилась радиотрансляция. В большой комнате висел репродуктор «Рекорд» (черная бумажная тарелка на ободе).

Занятия в кружке были после уроков. Начинались с построения и строевой подготовки, затем инструктор Сергей рассказывал об устройстве самолета, типах и назначении машин, а также случаи из жизни (он кончил планерную школу в Оренбурге). После теории мы работали час-полтора.

Каждый выбрал себе схематическую модель по готовым чертежам и самостоятельно строил ее. У каждого был свой перочинный нож, кроме того, в помещении кружка был необходимый инструмент (рубанки, лобзики и ножовки, различные рашпили и напильники). Был и материал: бамбуковые палки, сосновые и липовые рейки, резина, тонкая папиросная бумага и клей (казеин и эмалит).

Мне очень пригодились первичные столярные навыки и некоторое представление об инструментах, полученное в мастерских лазаретного лагпункта.

Я строил схематическую модель типа «утка». Это схема, при которой модель летит стабилизатором вперед, а винт расположен сзади, т. е. винт толкающий.

Стрингера и нервюры делали из бамбуковых тонких реек. Концолы гнули над спиртовками.

Бамбук хорошо колелся, но был опасен острейшими гранями лучинок. Пальцы резали беспощадно, у всех постоянно было порезано 2–3 пальца.

Я получил практику в перевязках, позже неоднократно удивлял окружающих бинтовкой собственных порезов. Это тоже пригодилось впоследствии.

Моделизм требует аккуратности, нередко ювелирно тонкой работы и, конечно, терпения. Очень я благодарен навыкам, которые получил за почти три года работы в Бузулукском доме пионеров.

По готовности моделей устраивались соревнования. Всем кружком выходили на большой пустырь и запускали свои модели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.